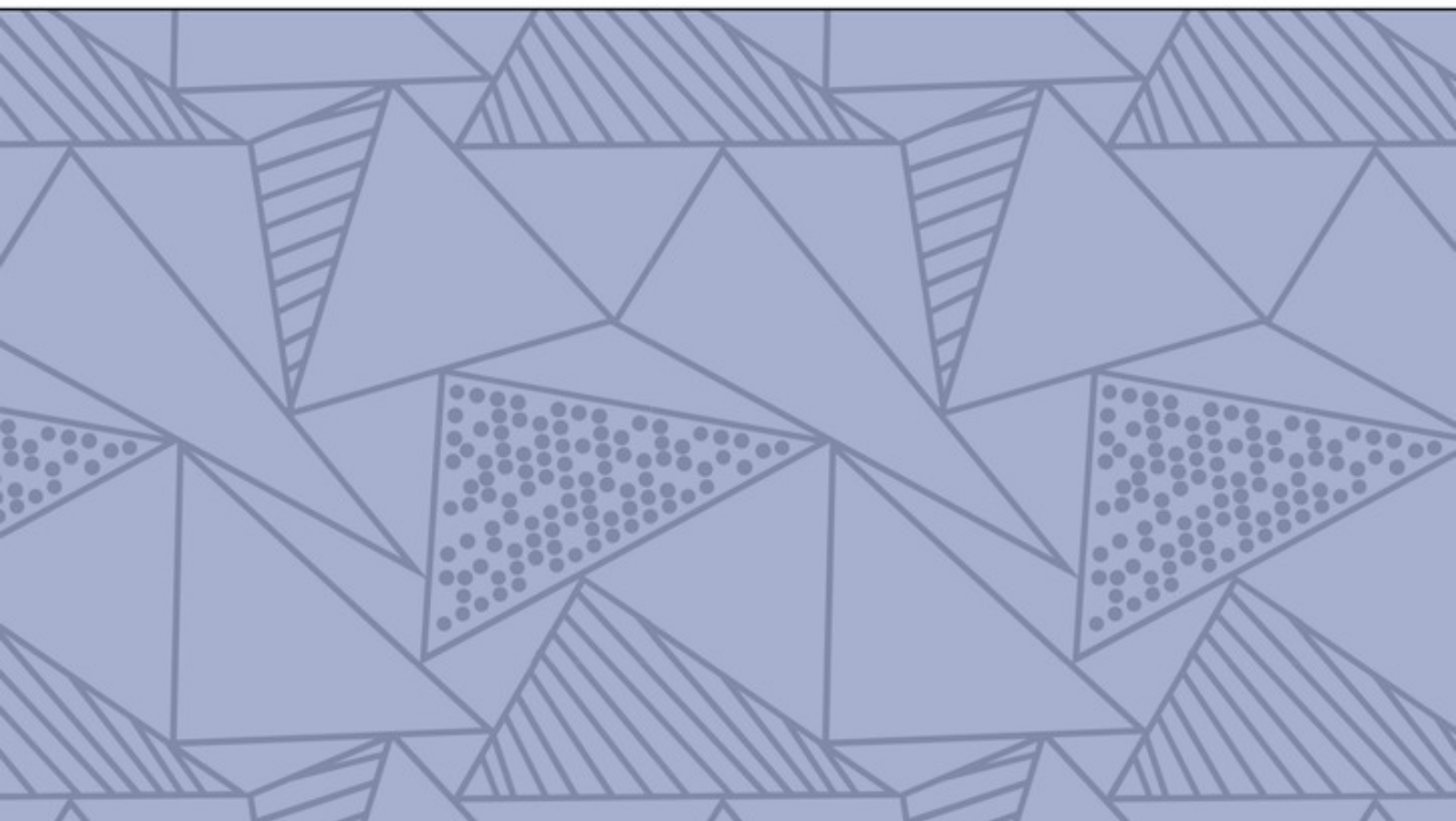

Виктор Хорошулин
Валерий Сергеев

---

*Тайна
янтарного
амулета*

Валерий Сергеев

Тайна янтарного амулета

«Издательские решения»

Сергеев В.

Тайна янтарного амулета / В. Сергеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835344-4

Не зря Калининградскую область называют Янтарным краем. Издавна ценились свойства солнечного камня, который считался и украшением, и оберегом, и лекарством... Сюжет романа захватывает времена Средневековья, Вторую мировую войну и наши дни. Люди, носящие янтарь в качестве оберега или амулета, ощущают его волшебную и целительную силу...

ISBN 978-5-44-835344-4

© Сергеев В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть I. Виселица на холме Гальгенберг	8
Глава 1. Отшельник и море	8
Глава 2. Ловцы янтаря. Семейство Паулихтер	13
Глава 3. Доктор Мюнц	18
Глава 4. Раненый, больной и философский камень	23
Глава 5. Слово доктора Мюнца	28
Глава 6. Поединок на дороге в Кёнигсберг	33
Глава 7. Работа началась	38
Глава 8. У доктора Мюнца	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Тайна янтарного амулета

Виктор Анатольевич Хорошулин

Валерий Васильевич Сергеев

© Виктор Анатольевич Хорошулин, 2017

© Валерий Васильевич Сергеев, 2017

ISBN 978-5-4483-5344-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В душном павильоне ГТРК «Янтарь» подходил к концу очередной рабочий день... Хотя, какой к чертям «день», если за стенами телекомпании была уже почти ночь.

– Привет, Апостол! – рыжеволосый хохмарь Вадим Филатов, известный репортёр калининградских «Вестей», переложил мобильный телефон к другому уху. – Не спишь? А я сегодня услышал сенсационную историю, тебе она должна понравиться. Но, поскольку, я ничего не делаю бесплатно, то с тебя две банки пива и вяленая корюшка.

«Апостолом» Вадим величал своего старого друга, Матвея Хрусталёва, работающего в популярной калининградской газете «Башня Врангеля», вместе с которым они заканчивали журфак местного университета имени Канта.

– Да знаю я все твои сенсации..., – вяло отреагировал Матвей. – Опять какая-нибудь ерунда... Ну, ладно, рассказывай.

– На днях один мужик в Багратионовском районе решил утопить своего старого пса и выбросил его из лодки на середине реки. Но пёс принялся за ним плыть... Тогда мужик замахнулся веслом, чтобы оглушить собаку, только сам не удержался, упал в воду и стал тонуть. А преданный пес вытащил хозяина на берег. Короче, спас..., – на одном дыхании протараторил приятель.

– Как трогательно... Вот и снял бы репортаж о собачьей верности. Только сдаётся, что ты меня опять разыгрываешь?

– Конечно, пытаюсь хоть как-то развлечь. Ведь ты после женитьбы в постоянной депрессии и мы, твои холостые друзья и соратники, очень переживаем по данному поводу, – хохотнул приятель. – Ведь когда имеешь дело с женщиной, главное – не забывать, что на свете много других женщин!..

– Слушай, перестань молоть ерунду. У меня прекрасная семья: жена Наденька и дочка Лизонька...

– Знаю-знаю, «женись и стань ручным!», – с пафосом продекламировал Вадим. – А каждый настоящий мужчина должен иметь стальной характер, который слабым женщинам не согнуть... И им остаётся только одно – пилить! – теперь рассмеялись оба. – Я предлагаю немедленно придумать повод для встречи без галстуков. Отчего бы нам завтра не обсудить, например, актуальные вопросы современного домостроя?

– Ты неисправим... – задумчиво произнёс Матвей. – Но встречаться, действительно, нужно чаще... Вот только ни завтра, ни послезавтра у меня не получится. Работаю над очень интересной темой и сроки, к слову, уже поджимают.

– Так, что за тема? – мигом посерьёзnel ушлый тележурналист. – А, может, «мы мигом к вам заявимся с лопатами и вилами»... – с деланной хрипотцой пропел Вадим в трубку, – «денёчек покумекаем и выправим дефект?..»

– Ты почти угадал, дружище, – Хрусталёв перешёл на деловой тон, – я как раз пишу очерк о последних гастролях Владимира Высоцкого, которые проходили в Калининграде в июне 1980 года.

– Так про это уже писано-переписано...

– Не скажи, приятель, – загадочно произнёс Матвей, – я тут кое-что узнал... Причём такое, что тебе и не снилось. Наполеон как-то сказал: «История – это ложь, с которой все согласны», а я открою всем правду... Это будет – бомба!

– Не может быть, – выдохнул Вадим. Он чувствовал, что друг говорит правду. – Или теперь уже ты решил меня разыграть? И что ты раскопал?

– Много чего. Любимые места Владимира Семёновича, где он с удовольствием гулял, люди, с которыми встречался, клиника, в которой проходил обследование и лечение... Но это не главное...

– Ну-ну, колись по полной...

– Есть странные артефакты, по-видимому, принадлежавшие Высоцкому, которыми он очень дорожил, а у них – длинная история и особое предназначение...

– И это всё происходило в 1980-м году?

– У меня есть документы и свидетели, которые утверждают, что Высоцкий бывал в Калининграде не один раз, а – регулярно. Но почему-то инкогнито. И занимался он у нас не совсем понятной мне, пока, деятельностью... Здесь ещё интересная история, связанная с Янтарной комнатой... и не только... надо разбираться. К тому же, тут и «психушки» нарисовались, и слежки КГБ и просто... какая-то мистика! Впрочем, с последней мы сталкивались уже неоднократно...

– Вот это – да! – удивлённо протянул Вадим. Голос его стал абсолютно серьёзным. – Возьми меня «в долю». Ты же знаешь, я не подведу. Ведь мы с тобой в каких только переделках не побывали (1). В благодарность с меня – пиво! Много пива! Плюс наша балтийская корюшка!

– Только никому ни слова!

– Могила, ты же меня знаешь...

Часть I. Виселица на холме Гальгенберг

Глава 1. Отшельник и море

Остзее в эти сентябрьские дни 1650 года радовало глаз лазурной волной, белыми кудрявыми барашками и тихим, мерным шёпотом неторопливого прибоя. Чайки носились над морем, тут и там затевая ссоры по пустякам. Солнышко припекало, а дующий из аквамариновой дали ветер приятно освежал.

Прибрежная зона от Кранца до Раушена и далее, вплоть до Пиллау (2) представляла собой сосновые леса, начинающиеся сразу за серо-жёлтым песком с мелкими камушками и ракушками, щедро согретыми солнцем. Под деревьями зеленели густые заросли ежевики, малины и смородины. Ходить же по тропинкам между пахучими соснами было одно удовольствие.

Из резиденция бернштайнмайстера (3), расположенной в Гермау, что неподалеку от Пальмникена, выехал отряд вооружённых людей, контролирующих сбор янтаря на побережье Остзее. Во главе отряда на молодой лошади двигался мастер Бергерклик, пожилой мужчина, переносящий такие поездки с каждым разом всё тяжелее. Почтенный возраст тянул его в один из кабинетов «Янтарного суда», в мягкое кресло, к чернильнице и бумагам, но согласно приказу Великого курфюрста Фридриха Вильгельма, в его обязанности входили обязательные объезды подконтрольных территорий, скупка или конфискация найденного янтаря, а также наказание незаконных ловцов онога, вплоть до повешения. Поэтому за отрядом следовала повозка, крытая шерстяной тканью, под которой лежали несколько мешочков соли, предназначенных для расплаты за солнечный камень.

Сам мастер Бергерклик был грузен, с выпирающим из-под бархатного камзола животом. Его усталое одутловатое лицо было покрыто капельками пота, который он постоянно вытирал платком. Крупный мясистый нос и губы, отвисшие щёки с красными прожилками, прищуренный взгляд из-под косматых бровей... Широкополая шляпа прикрывала почти полностью облысевшую голову. Его сопровождал молодой помощник Томас Мильхер и четверо береговых стражников. На повозке дремал секретарь Иоганн Ростке, ещё более древний, чем сам Бергерклик.

Процессия находилась в пути второй день. За это время им удалось выкупить около сотни фунтов янтаря да повесить мальчишку, совсем ещё юнца, пытавшегося прикарманить десять фунтов солнечного камня, да хранившего дома ещё столько же. Жалко, конечно, отрока, но приказ есть приказ... И висельные холмы на окраине Гермау – это напоминание каждому о том, что на сбор и хранение янтаря введён запрет с незапамятных ещё времён... Со времён Тевтонского ордена. И того, кто нарушит это правило, ждёт петля. Мало того, ещё действовал запрет на выход к морю любому, кто не являлся местным жителем и не имел на то специального разрешения. Любой, выловивший из моря янтарь или собравший его на берегу, мог быть отправлен на виселицу, которые красовались вдоль побережья Остзее от Раушена до Пиллау. Подозреваемых в краже или незаконном сборе янтаря ждало суровое решение бернштайнмайстера, «Янтарный суд» и палач.

Мастер Бергерклик поморщился: бледное, перекошенное от ужаса лицо парнишки вновь предстало перед его глазами. Чувство вины нахлынуло на старого служителя бернштайнгеррен (4), впрочем, тот стал яростно отгонять его. От рождения у него был довольно мягкий характер, настолько впечатлительный, ранимый и добрый, что он никогда никому не мстил. Мастер любил задумчиво расслабиться и бездельничать, неспешно наслаждаясь закатами и красивыми видами природы, вести медленный, чувственный образ жизни. Одновременно с этим он пре-

красно манипулировал людьми, и потому у него удалась карьера... А законы говорили ясно: за кражу фунта янтаря положен штраф в 90 прусских гульденов или тюремное заключение сроком на месяц. За два фунта краденого янтаря наказание удваивалось. За три фунта полагался штраф уже в 270 гульденов, а вдобавок – порка и десятилетний запрет проживать на побережье. За четыре фунта – к тому же штрафу и порке добавлялся ещё и позорный столб, а затем и пожизненный запрет на проживание в стране. Ну, а за пять фунтов украденного янтаря наказанием становилась уже виселица и оплата краденного в двойном размере. У мальчишки нашлось в общей сложности двадцать фунтов янтаря. Если бы у него обнаружили ещё хотя бы пять фунтов, наказанием могло быть и колесование.

Да, наши законы суровы. «Dura Lex Sed Lex», – прошептал он, как заклинание. «Закон суров но это – закон!» Даже за нахождение на берегу без разрешения полагался штраф, размером от 12 до 18 гульденов, с высылкой от года до трёх за повторное подобное нарушение! Мало того, всё взрослое мужское население (старше 18 лет) было вынуждено давать «береговую клятву» (5) в том, что они не будут незаконно собирать янтарь и должны доносить на любого, кто будет в этом замешан.

Так что, у береговой стражи работы хватало. Но даже страх перед жестоким наказанием не останавливал отчаянных ловцов янтаря. Некоторые «умельцы» организовали целые артели злоумышленников, в которые входили как непосредственно сами ловцы, так и люди, предупреждающие их о появлении стражников, а также хранители и перекупщики украденного солнечного камня, имеющие свои схроны и тайники по всему побережью.

Разумеется, незаметно приблизиться и накрыть разом всю компанию «добытчиков» не представлялось возможным. Издалека завидев приближающуюся береговую стражу, воришки-наблюдатели свистом предупреждали ловцов, которые тут же выходили из моря, бросив в воду огромные сачки, и разбегались кто куда. Вот одинокого ловца, сильно увлечённого своим незаконным промыслом, можно было легко поймать с поличным. Тот парнишка, как раз добывал янтарь в одиночку, вот и попался.

И всё же, скверное чувство продолжало терзать душу старого человека, не хотело отпустить. Мастер Бергерклик отстегнул от седла кожаную флягу, вынул деревянную пробку и прильнул к горлышку, наполняя утробу добрым рейнским вином. В конце концов – он выполняет свою работу и, Господь – свидетель, справляется с нею неплохо!

В лесу настойчиво стучал дятел, вдалеке завела свою нудную песнь кукушка. Уныло дребезжало колесо телеги, заглушая топот копыт, скрипели ремни снаряжения и звенела сбруя. Стражники изредка вяло переговаривались между собой.

Приближался Раушен. В этих местах берега поднимались круто вверх, оставляя у моря узкую полосу песка. На высоких откосах росли небольшие берёзы, кусты малины и смородины, а в июне местные жители собирали здесь землянику. Над откосами стояли стройные сосны. На берегу моря, словно огромные моржи или морские львы, развалились массивные серые камни. Завидев приближающийся отряд, редкие гуляки, находящиеся вблизи моря, тут же уходили прочь.

Береговая стража не сразу заметила на валуне одинокую фигуру сидящего человека. Серое облачение незнакомца делало его похожим на такой же камень – молчаливый и неподвижный.

– Томас, – произнёс мастер Бергерклик. – Поверь личность этого странника. И спроси, что он здесь делает. Уж не собрался ли он заняться ловом янтаря?

– Я знаю его, герр мастер. – Это – отшельник. Он живёт тут один, ни с кем не общаясь. Вырыл себе землянку на откосе под корнями сосны и ютится в ней. И ещё... Он – прокажённый.

– Силы небесные, – перекрестился старик. – Только прокажённого нам не хватало...

– Он безобиден, мастер. – И, по-видимому, очень несчастен. Люди отринули его от себя...

– Что ж, – проговорил Бергерклик. – Иди, Томас, и подай ему эту монету!

– Господь с вами! Вы даёте целый дукат! Этот бедолага будет рад и крейцеру! – не случайно среди своих товарищей Мильхер считался самолюбивым и скуповатым парнем, который трудно расстается со своими многочисленными долгами.

– Иди и подай ему дукат, – повторил пожилой начальник. – Пусть помолится на досуге о нас, на чьи плечи возложены обязанности судей и палача...

Вздохнув и приняв монету, молодой помощник подъехал к отшельнику.

– Возьми, – сказал он с некоторой опаской, бросая деньги под ноги прокажённому.

Тот встал с камня во весь свой немалый рост и повернулся к Томасу. Молодой человек страшился увидеть обезображенное лепрой лицо, но оно было закрыто полоской материи, в которой были проделаны отверстия для глаз.

Прокажённый молча поклонился Мильхеру.

– Наш начальник, уважаемый мастер Бергерклик, служащий в резиденции бернштайн-майстера Йокельминца, пожаловал тебе золотой дукат, дабы ты смог прокормиться и помолиться за нас, береговых стражников.

Прокажённый глазами нашёл сидящего на лошади пожилого чиновника, без ошибки признав в нём вышеупомянутого мастера, и низко поклонился тому.

– И дай знать ловцам янтаря, промышляющим в этих местах, чтобы чтити закон и не помышляли о краже янтаря! Виселицы на побережье моря вплоть до самого Пиллау, редко пустуют!

На прокажённом был надет длинный плащ с капюшоном, лицо скрывала полотняная маска, на руках – рукавицы... Он молчал, но кивком головы дал понять, что исполнит услышанный приказ.

– Господь с тобой, – на прощание произнёс Томас. – Но было бы лучше, если б ты поселился у братьев в госпитале Святого Георга (6)!

Он вернулся к береговой страже, но так и не увидел, поднял ли монету отшельник.

Некоторое время ехали молча вдоль линии моря. Лошади шли не спеша, вдыхая свежесть воды и запах морских водорослей. Прибой лизал пенящимися языками мокрый прибрежный песок и любезно приглашал каждого бредущего по пляжу воссоединиться со стихией. Привал было решено сделать в Раушене. Толстяк Бергерклик вновь потянулся за флягой.

Отшельник проводил взглядом удаляющуюся береговую стражу, затем поднял монету и попробовал её на зуб. Дукат был настоящим. Он вновь присел на камень и устремил свой взгляд в море. Там, вдали, оно было уже других цветов – хмуро-синего, тёмно-кобальтового. Оттуда веяло далью, глубиной и загадочностью. Там, за морем, располагалось шведское королевство. А здесь... Прусский король свято оберегал янтарную регалию (7). И это неудивительно, ведь данный камень ценился ещё в глубокой древности. Ему приписывали многочисленные целительные свойства, которые он во многом оправдывал. Поэтому ещё древние пруссы организовали продажу электрона – янтаря в чужие земли. Один из торговых путей вёл прямо в Рим.

Захватившие Пруссию тевтонцы тоже быстро наладили торговлю янтарём, сделав добычу солнечного камня и его продажу своей привилегией. Вылавливать в море и собирать янтарь на берегу запрещалось. Случайно найденный камень должен был сдан специальным сборщикам янтаря. Те расплачивались за него либо солью, либо мелкими деньгами. Орден пошёл и дальше – был ведён запрет на профессию резчика янтаря. Тевтонцы продавали его либо в виде сырца, либо отправляли на обработку к своим мастерам в Любек, Брюгге или Венецию.

Очень ценил янтарь и первый герцог Пруссии Альбрехт Бранденбургский. Его личный врач, а также профессор медицины, ректор университета в Кёнигсберге Андреас Аурифабер, в 1551 году написал «Историю янтаря». Это был самый первый научный труд, посвященный янтарю и его целебным свойствам, и он появился именно здесь, в Восточной Пруссии.

Прокажённый отчаянно верил, что именно богатое янтарём море поможет ему избавиться от страшной болезни. Он снял рукавицы, вошёл по колено в воду и, зачерпнув ладонями солёную влагу, плеснул её себе в обезображенное лицо. Умывшись, таким образом, несколько раз, он сел на песок и начал читать молитву.

Жил отшельник здесь же, на берегу. Природа создала на крутом откосе небольшую расщелину под корнями сосен. Расширив и углубив её так, чтобы в неё мог пролезть взрослый человек и сносно устроиться, словно в монастырской келье, он остался там жить. В его логове имелось несколько книг, свечи и кое-какие предметы обихода. Летом он кормился грибами и ягодами, ловил рыбу, принимал подаяние, а зимой куда-то уходил. Кто он такой, каково его имя, откуда он пришёл – никто не ведал. Он ни с кем не общался. Мало кто слышал от него слово или два. Принимая подаяние, он кланялся, рукавиц и полотняной маски никогда не снимал. Только с морем он был открыт и приветлив.

По утрам он выходил на берег и подставлял лицо, и всё тело восходящему солнцу. Какие молитвы он при этом читал, никто не знает. Затем он умывался морской водой, обливался ею. Некоторые видели, как отшельник собирает на берегу какие-то камешки. Люди не сомневались, что он ищет янтарь. Но на самом деле, никто никогда его у него не видел. Поэтому и береговая стража оставалась к нему снисходительной и позволяла жить здесь, на берегу, не требуя разрешения.

А море? Оно было слишком громадным, чтобы замечать горести маленького человека. Оно и радо бы помочь, да сколько таких страждущих на его бескрайних берегах, да и среди волн, молят о помощи...

С незапамятных времен судьба всех заболевших лепрой была печальной – они неминуемо становились изгоями, ведь прокажённого считали «проклятым». Больные лишались всех званий и прав, им запрещалось входить в церковь, посещать рынки и ярмарки, мыться в проточной воде или пить её. Им нельзя было прикасаться к чужим вещам, а говорить со здоровыми людьми надлежало только стоя против ветра и закрывая рот плащом. Лепра у одного из супругов считалась законным поводом для развода, при появлении первых же признаков проказы человека отпевали в церкви, как мёртвого, и устраивали символические похороны, после которых больному давали особую одежду – тяжёлый балахон с капюшоном. Такие несчастные обязаны были предупреждать о своём появлении с помощью рога или трещотки, колокольчика или криков: «Нечист, нечист!». Иначе его забивали камнями и палками...

Тихий шорох заставил отшельника обернуться. С откоса спускались люди, их было трое. Первый, прыгнувший на песок, посмотрел вслед удалившейся на полмили береговой охраны и махнул рукой остальным.

– Они ушли! Далеко! – крикнул он. – Здесь только прокажённый!

– Вот и славно!

– Хвала Господу и Пресвятой Деве Марии!

Вскоре все трое собрались на берегу. Одеты они были в жалкие лохмотья, ни на ком не было даже дырявых башмаков. Зато двое держали в руках огромные сачки.

Убедившись, что для береговой стражи они недосыгаемы, троица вошла в воду.

Они не обращали внимания на отшельника, а тот, в свою очередь, делал вид, что не замечает их.

– Курт, ты уверен, что нас никто не выдаст?

– Пауль следит, он даст знать, если что!

– Но Пауль слишком мал!

– Мал, да удал! Не бойся, Петер, греби камни и не задавай глупых вопросов!

– Ох, узнает старый Иеремия, чем мы тут занимаемся!..

– Брось хныкать! Откуда он узнает? Нам бы хотя бы по паре фунтов выловить... За пару фунтов нас никто не лишит жизни!

Некоторое время ловцы янтаря молча орудовали сачками. Пенистые зеленоватые волны окатывали их до самых ушей.

– Ох, холодна сегодня вода!

– В прошлый раз на этом самом месте... я столько набрал! А сейчас...

– Шторм нужен, – заявил тот, кого звали Куртом. – При шторме много янтаря приносит. Тогда даже сачок без надобности. Ходи по берегу и собирай!

– Петер, сколько у тебя?

– Пара кусочков... Маленькие... А у тебя?

– Тоже пара...

– Не густо...

Они вышли на берег, погрелись немного на солнце, посмотрели, кто сколько сумел поймать солнечного камня... И полезли в воду вновь.

Через полчаса Курт взмолился:

– Пойдёмте, братцы, на другое место! Здесь пусто!

– Надо предупредить Пауля... Если он не сбежал ещё...

– Может, и нам пора домой?

– Нет, половим ещё немного! Завтра скупщик янтаря Гюнтер поедет в Кёнигсберг. Продадим ему, что есть, всё какие-то несколько крейцеров...

Ещё через час ловцы, так и не обогатившиеся сегодня, но замёрзшие окончательно, начали собираться. На троих у них не набралось и фунта янтаря. Боясь, как бы не стемнело совсем, они полезли на откос. Ещё долго слышались их голоса.

А отшельник вдруг застонал, схватившись за сердце...

Солнце, между тем, склонилось к закату. Оно ушло в левую от одинокого человека сторону и оттуда едва освещивало своими лучами. Стихли голоса чаек. Над водой теперь резвились летучие мыши, ловя на лету мошкару.

Наконец, последний, прощальный солнечный луч осветил фигуру прокажённого... Он сидел на плоском камне у самого прибоя, и рыдал безудержно, навзрыд: согнувшись в три погибели, закрыв вздувшимися ладонями лицо и уронив косматую голову на колени... Его угловатая фигура, казалось, как-то сжалась и словно вдвое убавилась, обезображенные язвами и багровыми пятнами руки, как и всё жалкое тело, сотрясала крупная дрожь. Так плачут настоящие мужчины в минуту горя, боли и отчаяния, когда уходит из жизни лучший друг или верная спутница, когда в спину вонзают кинжал подлости, а в распахнутую беззащитную душу плюют ядом предательства...

Глава 2. Ловцы янтаря. Семейство Паулихтер

Иоганне Паулихтер не было и сорока, но выглядела она настоящей старухой. Четверо сыновей – мал-мала-меньше, попробуй, вырасти, если осталась без мужа десять лет назад! Да, бывают в жизни такие ситуации, когда самая ужасная несправедливость меркнет перед жестокой гримасой судьбы... Неизвестно, как бы она жила, если бы ей не помогал брат её мужа Иеремия – пожилой, но ещё довольно крепкий мужчина, держащий в своих цепких руках как хозяйство брата, так и его непоседливых мальчишек.

Старшему, Гансу, уже исполнилось семнадцать. Он собирался стать моряком, но пока только в мечтах. Юноша несколько раз выходил в море с рыбаками, но до поступления на настоящий корабль дело никак не доходило. Впрочем, тот же дядя Иеремия обещал всё уладить к весне. Кое-каким жизненным премудростям парень, конечно, обучился. Но ничем выдающимся среди сверстников не выделялся. Немногословный мечтатель и выдумщик.

Пятнадцатилетний Курт, в отличие от долговязого Ганса, был небольшого роста. Он с раннего детства пристрастился к чтению и выпрашивал книги по всему Люменфаллю, небольшому селению на берегу Остзее, расположенному неподалёку от Раушена, да и по самому Раушену. Курт любил слушать рассказы про животных и целебные травы, про лечение, как скотины, так и людей, словом, тяготел к знахарству.

Петеру было тринадцать. Был он хоть и моложе своих братьев Ганса и Курта, зато более рассудительный, вдумчивый и хозяйственный. Он не собирался идти в моря, его не интересовали книги, зато работу на земле отрок считал своим делом и стремился к нему всей душой. Он заботился о животных, когда те ещё находились в хозяйстве Паулихтеров, копался на грядках в огороде, пахал землю, и в свои тринадцать выглядел почти сформировавшимся мужчиной.

Всеобщим любимцем в семье был одиннадцатилетний Пауль – розовощёкий крепыш с вихрастой головой. Он любил лес, часами мог пропадать в нём, собирая грибы или ягоды, слушая пение птиц, любясь полянками и опушками, холмами или низинами, игрой света и тени, опадающими листьями, или просто упиваясь тишиной. Он мог наслаждаться и морем, но лес ему был всё-таки ближе. Пауль охотно помогал матери по дому, чего от Ганса или Курта добиться было нелегко. Он вообще никому не мог отказать в помощи, и делал всё легко и с улыбкой. Он свято верил, что впереди в его жизни – только хорошее. А если и не во всём, то это – неважно: как-нибудь да выкарабкается из передрыг!

Последние годы для семьи Паулихтер выдались непростыми. Мать часто болела, а в доме частенько не было никакой еды. Как-то раз, услышав от соседских парней о том, что ловля янтаря, если взяться за неё осторожно и не попадаться в руки береговой охраны, – дело весьма прибыльное, братья решили заняться именно этим ремеслом. Продумали тактику ловли солнечного камня (особенно расстарался Курт, обсуждая каждую деталь), соорудили себе сачки подходящих размеров и отправились на промысел. В первый же день им удалось наловить около пяти фунтов янтаря. Они продали его жадному скупщику Гюнтеру за два дуката. Начало было положено. В тот день семья впервые за долгое время наелась досыта, и решение продолжать это незаконное ремесло было принято окончательно. Конечно, об этом никто из соседей не должен был даже догадываться.

– О, трое мокрые, а четвёртый сух, – заметил Иеремия, сидя за столом вместе с Иоганной, когда братья появились на пороге. Взрослые пили чай в тишине. – Похоже, что стоял на стрёме, пока его братья добывали янтарь... Замечу – незаконно добывали, с риском для жизни... Не так ли, детки?

Взгляд старого пекаря был тяжёл. Четвёрка молодых людей сразу стушеввалась.

– О чём ты, дядя Иеремия, – ответил Ганс, опуская глаза. – Мы просто искупались маленько. Вода ещё тёплая...

– Побегали по воде, забрызгались, – подтвердил Курт, глядя куда-то в угол комнаты.
– Одежду заодно постирали, – добавил Петер и вытер нос.
– Замёрзнете ведь, мальчишки, – озабочено проговорила мать, обхватив чашку ладонями. – Где я найду деньги на лекаря?

– Интересно, – медленно проговорил Иеремия, испытующе глядя на ребят, – тому, кто решил закончить жизнь в петле на Висельном холме, нужен ли врач?

– Да брось ты, дядя Иеремия, – вдруг вспыхнул Ганс. – Всё побережье занимается добычей янтаря! Тысячи людей стараются, как могут, выловить хоть немного, чтобы было на что купить хлеба... А стражники хватают лишь единицы! Море само выбрасывает янтарь, почему мы не можем его собирать?

– Потому что это – запрещено, – ответил Иеремия. – Вчера неподалёку от Кранца повесили парнишку. Примерно такого же возраста, как ты. Возможно, его тоже терзали подобные сомнения...

– Да вы садитесь за стол, ребята, – засутилась мать. – Я сейчас чаю горячего налью, а то вы никак не согреетесь... Ну, разве можно идти против закона, против курфюрста?

– Э-э, мать, – заметил Иеремия. – Они уже взрослые... Потому решили сами тащить крейцеры и дукаты домой... Им кажется, что взяли Бога за бороду... – Он достал трубку и принялся набивать её табаком. – Они думают, что умнее береговой стражи, коль сумели пару раз не попасться ей на глаза...

Ребята, не торопясь, стали усаживаться за стол.

– А штраф? – спросил строгий дядька. – За два фунта – 180 дукатов! Где вы их возьмёте? Да ваша хибара, клянусь небесами, и всё хозяйство столько не стоят!

Иоганна побледнела.

– Вы уж, ребятки, бросайте это дело, – на её глаза навернулись слёзы. – Плохо закончите... Помогите нам, Пресвятая Дева..., – зашептала она.

– А с другой стороны, – вдруг сменил тон Иеремия, закуривая трубку, – бесполезно закрывать сито детской ладошкой: через соседние дырочки лишь сильнее течет... Так вот, если за это дело взяться с умом..., – он поднял палец кверху, призывая к вниманию, – то риск действительно можно свести к минимуму.

Братья оживились, заёрзали, задвигали табуретами...

– Я и сам хотел вам предложить нечто подобное, да всё сомневался, – продолжал Иеремия. – Думал, что вам не по плечу такое занятие... А вы, гляди ж... Сами взялись!.. Не ожидал...

– На что ты подбиваешь моих парней, Иеремия? – встрепенулась Иоганна. – Ты же сам говорил, что это – опасно!

– Э-э, мать, это опасно для тех, кто работает в одиночку, кто жаден и глуп! У кого голова на плечах, а не кочан капусты, тот зарабатывает прилично и плюёт за законы курфюрста и епископа! Я, ребятки, принёс вам свежеиспечённого хлеба. Давайте, налегайте на него. Мы должны обсудить несколько вопросов!

– А ты что, дядя Иеремия, и сам занимался этим промыслом? – спросил Курт.

– Было дело, – с улыбкой произнёс тот и, выпуская дым поверх стола, видимо, вспомнил что-то приятное. – В то время я ещё не был пекарем, а рыбачил вместе с вашим отцом... Кроме прочего, нам вменялось в обязанность добывать также и янтарь. Мы заплывали на лодке в море, на глубину 6—8 футов, и действовали так же, как и сейчас – большущими сачками пытались выловить камешки... Расплачивались с нами солью... Иногда и деньгами, но за слишком уж малую цену... Но «дают» – это ведь не «берут!» Вот тогда мы и начали подворовывать. Так я научился кое-каким хитростям... Например, как найти пласты янтаря, в водорослях какого цвета янтарь можно обнаружить легче всего, как правильно и грамотно действовать сачком, да и много других премудростей, которые помогают всегда оставаться с уловом.

Он отхлебнул чай и с удовольствием зажмурился.

– Дядя Иеремия, а каковы самые большие уловы янтаря бывали у тогдашних ловцов? Каких размеров попадались самые крупные куски?

– Иногда за день можно было добыть до десяти фунтов янтаря... Но бывали и более удачные случаи. Только кто вам об этом расскажет? Каждый ловец держит своё ремесло в секрете. Никому не хочется болтаться на виселице! А находили разные куски... При мне, попадались даже 12-фунтовые... Размером с твою голову, Пауль! Вот это, я вам скажу, удача! Но, всё забирали скупщики и платили за это сущие гроши. Вот, разве что, ходит в наших краях то ли легенда, то ли правда... про Томаса Куллера.

– Томас Куллер? А кто он такой?

– А вы не слышали?

– Нет.

– Расскажи, дядя!

Взглянув на Пауля, приготовившегося внимательно слушать необыкновенную историю, Иеремия усмехнулся и, пососав трубку, начал:

– Давно это было, но, поговаривают, и сегодня можно увидеть в здешних местах знаменитого ловца янтаря Томаса Куллера. Чем, спрашиваете, он знаменит? Да тем, что всегда удачно ловит и никогда не попадает на береговой страже. А уж те с ног сбились, пытаюсь поймать легендарного ловца янтаря. Случалось, устраивали на него засады... Заметят, что он частенько появляется возле одного места, и посадят там несколько человек. Сидят, ждут Томаса... Да только он, словно, чуял западню. И всегда ловил в другом месте...

– А где он живёт? – спросил Пауль.

– Этого никто не знает. Где прячет и кому сбывает янтарь – тоже для всех секрет. Но все, кто его видел, утверждали, что у него сумка всегда полна солнечным камнем!

– А может, это всё враки? – недоверчиво спросил Курт.

– Как знать, племянничек, как знать... Я буквально вчера сам видел его...

Братья затаили дыхание. Наступила томительная тишина. Было слышно, как потрескивает горящая свеча на столе.

– А какой он из себя? – шёпотом спросил Пауль. – Как его узнать?

– Узнать-то его нетрудно. Коль встретишь, так сразу поймёшь – это он. А выглядит Томас... Огромный, здоровенный мужик с рыжей бородой... И ещё говорят, что место, где ты его увидел – заколдованное. Иди туда в самое ближайшее время – и ждёт тебя небывалый улов!..

– А ты запомнил то место, дядя Иеремия? – воскликнули Курт и Петер. – Вот бы нам попытаться там счастья!

– Запомнил ли я? – усмехнулся рассказчик, делая новую затяжку. – Ещё как запомнил... Да только вы меня не дослушали, уважаемые нарушители закона. Дело в том, что тот, кто отважится ловить янтарь на том же месте, где давеча видел Томаса, то улов у него будет просто необыкновенный... Об этом тоже рассказывают люди... Но потом счастливец обязательно окажется в лапах береговой стражи! И, возможно, на виселице, что в окрестностях Гермау... Вот и думай, стоит ли тебе добывать янтарь на том самом месте, где видел Томаса...

– Так этот Томас, он что... дух? Из сказки?

– То, что он дух – это точно. Но не из сказки, а из жизни. Потому что видишь его явственно, можно даже поговорить с ним... Только вопросы не задавай – всё равно ясного ответа не получишь. Отшутится.

Иоганна достала из очага горшок с кашей и расставила тарелки.

– Вот вам, ребятки, подкрепитесь... А ты что, чертяка старый, решил моих сыновей с пути праведного сбить? – Иоганна не знала, радоваться ли ей или, напротив, беспокоиться. С одной стороны, появилась возможность выбраться, наконец, из нищеты, а с другой – в опас-

ное дело ввязываются её сыновья. Но старого Иеремию она давно знала, как человека хваткого и разумного. Он немало помогал ей, и кто знает, что произошло бы с её семьёй, если бы не его помощь.

– Они уже сами с него сбились, – усмехнулся Иеремия, поглаживая живот. – А ты даже не подозревала об этом! Ты всё ждёшь, что когда-нибудь придёт счастливое время... А оно только уходит... Но теперь они будут работать со мной... Вот, – он наклонился и достал откуда-то из-под ног большую флягу. – Тут тёмное пиво из трактира «Клешня рака». Нам будет достаточно выпить по кружке, чтобы тем самым скрепить наш союз!

За окном уже сгустилась тьма. Дядя с племянниками осушили по кружке крепкого пива. Настроение у всех сразу заметно поднялось. Голоса стали громче, а речь – оживлённее.

– Только, ради Христа, не попадитесь береговой страже, – с мольбою промолвила Иоганна.

– Не бойся, мать, мы же не с луковой грядки! – Иеремия снова полез за флягой. – В этом деле что главное?.. Знать, когда они делают свой обход! У них ведь не только старый Бергерклик ездит с повозкой и секретарём, а существуют конные разъезды... Они постоянно в розыске. Ночью отдыхают в одном месте, а с рассветом начинают объезд. За какой-нибудь час могут осмотреть целую милю побережья (8)! Тут главное – заметить их издали! Иначе не успеешь смыться. Сачки – сразу в воду. А то, если поймают с утварью для ловли янтаря – уже не отвертишься! Вторая задача – скрыть своё ремесло от глаз соседей. Я уверен, что и те тоже тайком промышляют янтарём, но если они узнают, что этим же занимаешься и ты – враз доложат кому следует! И получат половину взысканного с тебя штрафа! Таков закон. Так что, не только береговая стража страшна – не меньше хлопот могут доставить лишние глаза и уши!

Братья внимательно слушали старого прохвоста.

– Есть у меня на примете местечки, – помолчав, продолжил Иеремия, – куда редко кто заглядывает... Со стороны дороги они абсолютно не видны. Если хочешь туда попасть, ты должен съехать с проторенного пути, продрасться сквозь колючий кустарник, и по узкой, крутой и страшно неудобной тропке спуститься вниз. И то, не сразу заметишь берег моря и тех, кто находится на нём. Я давно держу на примете эти участки... Одна беда – такие заветные уголки облюбовали и другие любители поживиться янтарём... Не всегда удаётся беспрепятственно заняться своим делом. Иногда приходится уходить и искать новый укромный уголок... А такие есть, клянусь Гробом Господним!

– Вот уж не знала, что ты, Иеремия, – старый мошенник и вор, – ворчливо произнесла Иоганна. – Ещё и детей моих дурному учишь...

– Перестань, мать, – ответил тот. – Сказал же, что они сами начали осваивать это ремесло. А я только помогу, чтобы улов их был удачным, и Янтарный суд им не грозил, – голос Иеремии был беззлобным. – Завтра мы проверим одно из таких мест... Кстати, где ваш сегодняшний улов?

– Мы спрятали его, – ответил Ганс. – Курт у нас мастер по тайникам!

– Толково, – улыбнулся Иеремия. – А много ли собрали?

– Очень мало... Мы хотели продать скупщику Гюнтеру...

– Не надо никаких гюнтеров! Я сам найду нужного человека! За старым скупердям уже следят люди, служащие бернштайнгеррен... Скоро и его, и тех, у кого он скупает янтарь, повезут в клетке в Гермау на Янтарный суд...

– Дядя, расскажи ещё про Томаса! – попросил Пауль.

– Ты, малыш, шёл бы спать! Завтра отправляемся на дело, вы с Петером будете наблюдать за каждым, кто пойдёт по тропе. Это важное и ответственное задание. От вас будет зависеть наша безопасность!

– Ну, дядя...

– Хорошо... Только, что рассказывать? Я уже всё поведал вам про старину Куллера. Если увидите его, можете сами с ним поговорить... Да, зимой он не ловит янтарь. Иногда заезжает в Раушен и играет там на лютне в трактире «Хвост селёдки». Играет и поёт...

– А что он поёт?

– Старинные баллады... Иногда – весёлые песенки про простых людей, про нашу нелёгкую жизнь... Достаётся в них и епископу, и даже самому папе! – Тут Иеремия расхохотался, от смеха у него заболели бока, а по щекам потекли слёзы. – Зайдёшь как-нибудь, послушаешь!..

– Так Томас ещё и вагант? А разве за такие песни его не может схватить стража? – удивился Пауль.

– Кабы могла – давно схватила бы! Не забывай, что Томас Куллер – не простой человек, а – дух... Хотя, кто его знает? Не слышал я, чтобы духи так пели...

– Мне бы хотелось познакомиться с ним...

– Познакомишься. Никуда он не денется! Только не старайся подружиться с ним! Те, кто особенно добивались его расположения, бесследно исчезали!

– Как это, дядя Иеремия?

– А так... Не знаю, как... Исчезали и – всё! Спроси у старой вдовы Моники Келлинг! Это её муж не отходил от Томаса Куллера, буквально проходу тому не давал! И где сейчас старый Келлинг? Никому не ведомо!

– Так Томас... – спросил Курт, – всё-таки, добрый дух или злой?

– Ну, госпожа Иоганна Паулихтер! – едва не взорвался Иеремия. – Твои детки-таки сведут старого дядюшку с ума! Задают такие вопросы!.. Запомни, дорогой племянничек, что в мире нет ничего, что можно считать только хорошим или только плохим! Возьми что-нибудь доброе и копни его поглубже, и тут же обнаружишь нечто дерьмовое! Или наоборот, возьми дерьмо, выплесни его в огород и оно так удобрит землю, что в этом месте родится богатый урожай! Каждый предмет хорош только в своё время и для отдельного человека! Вот, скажем, яблоко... Когда оно незрелое – оно для меня не полезное. Когда зрелое – в самый раз! Я с удовольствием его съем! А когда перезрелое, гнилое? Тьфу! Но для матушки-земли – это тоже подарок. Почва проглотит перезревшее яблоко и станет ещё жирнее. А зёрнышки, глядишь, прорастут, дадут побеги и новые плоды...

Наконец, Иеремия начал собираться.

– Куда ты, на ночь глядя? – спросила его Иоганна.

– Куда-куда... Домой, мать...

Старый пекарь жил один.

– Так оставайся здесь. Ляжешь возле печи, утром встанешь вместе с ребятами...

– И то верно...

Ночью Паулю приснился сон. Он шёл по берегу моря и увидел рыжебородого великана, ловко орудующего... нет, сачка в его руках парнишка не заметил. Великан держал лютню. Это был Томас Куллер, как догадался мальчик. Он покрутился возле известного ловца янтаря, хотел что-то ему сказать, но слова отчего-то застряли в горле. Так и стоял, не в силах раскрыть рот. Наконец, Томас обратил на него внимание и приветливо кивнул. Чувство радости всколыхнуло душу юному воришке янтаря. Он замахал руками, пытаясь крикнуть: «Здравствуй, Томас! Я тебя узнал!» Но так и остался безмолвным. Вдруг огромный детина вновь повернул к нему красное от загара лицо, ласково улыбнулся и поманил к себе. Пауль тут же бросился в воду. А Томас неторопливо пошёл дальше в море и всё продолжал звать парнишку за собой.

Пауль заходил в солёную воду всё глубже и глубже...

Глава 3. Доктор Мюнц

Сорокалетний врач Йозеф Мюнц был известным человеком не только в Альтштадте, где он проживал в собственном особняке со своей пожилой матерью, но и во всём Кёнигсберге, то есть, включая прилегающие к Альтштадту города-соседства: Лёбенихте и Кнайпхоф. Частная практика приносила ему неплохой доход, доктор пользовался услугами прислуги, ухаживающей за госпожой Мюнц, которой исполнилось 74 года, а также наводящей образцовый порядок в доме и занимающейся готовкой пищи. Йозеф Мюнц причислял себя к гурманам и за последними обязанностями прислуги следил достаточно строго. Он не был женат, но имел двух любовниц, одна из которых, Моника, жила тут, рядышком, на улице Хлебных лавок, а вторая, Анна, – в Кнайпхофе, неподалёку от Кафедрального собора.

Рано утром молочница стучала в двери его дома, и кухарка покупала у неё свежее молоко, сметану и творог. Другие торговцы доставляли доктору яйца и мясо, а пекари – всевозможные хлебные изделия. Старый аптекарь Лаппе, проживающий совсем рядом, привозил заказанные накануне лекарства, порошки, мази или их ингредиенты, с которыми Мюнц любил повозиться сам, ставя всевозможные опыты и создавая, на его взгляд, неплохие лекарственные сборы. Пожилой букинист Мартин Шваб всегда делился с доктором новинками книжной продукции, в основном, медицинскими.

Тесная и кривая Аптекарьская улица, на которой стоял особняк доктора Мюнца, была вымощена брусчаткой, утыкана маленькими башенками насосов для подачи воды и освещалась по ночам масляными фонарями. Сам особняк ничем не выделялся от стоящих рядом с ним домов – небольшое двухэтажное здание с черепичной крышей и серыми стенами, на фасаде которого была размещена лепнина в виде важной совы, восседающей на толстой книге.

Выглядел доктор Мюнц всегда опрятно и привлекательно – среднего роста, с голубыми глазами и неизменной улыбкой на чисто выбритом лице, нормального телосложения, без каких-либо увечий или шрамов. Одевался он в соответствии со своим статусом, но без щегольства, присущего одиноким мужчинам, – парик и шляпа, сюртук или камзол, чулки и панталоны, на ногах – удобные башмаки.

По характеру доктор Мюнц был выдержанным и рассудительным мужчиной. Эмоции и чувства всегда были у него позади разума. Даже когда он нервничал, то внешне выглядел вполне спокойным.

Он любил прогуляться по Кёнигсбергу: по Альтштадту, с его шумными рынками, забитыми всякой всячиной, по Лёбенихте, а также, миновав величественный Королевский замок, по Кнайпхофу, где располагалось множество заведений, в которых подавали горячий кофе, чрезвычайно любимый доктором. В местном кабачке «Усы сома» Йозеф Мюнц мог себе позволить кружку-другую тёмного альтштадского пива.

Прогулки и поездки по городу обычно проходили спокойно и приятно, потому что Кёнигсберг был тихим, красивым и зелёным, а его мостовые всегда содержались в приличном состоянии. Центральные улицы были плотно застроены очень узкими зданиями, не более шести локтей в ширину. Но этот недостаток компенсировался высотой строений и большим количеством этажей, один ниже другого, подниматься на которые обычно приходилось по узкой и темной винтовой лесенке, буквально на ощупь. На каждом этаже имелось только по две комнаты: одна выходила окнами на улицу, а другая смотрела во внутренний дворик. Между ними находился темный коридор, в котором и размещалась упомянутая лесенка, там же располагались очаги, на которых готовили еду. Всё бы ничего, но существовало одно досадное неудобство: по ночам жители выбрасывали нечистоты прямо из окон. И, хотя мусор и грязь своевременно убирались командами специальных работников, в летнее время они частенько неприятно пахивали...

Обычно Йозеф Мюнц заранее планировал свои визиты и приёмы больных, и не боялся никакой тяжёлой или чёрной работы. Был неизменно почтителен с пациентами и очень внимателен к деталям. Решения принимал только после тщательного обдумывания. Идеальным дополнением к его целеустремлённости являлись здравомыслие и практичность, которые прекрасно уравновешивались бескорыстием и великодушием. Одно только его появление в доме больного внушало окружающим и самому пациенту уверенность в том, что всё обойдётся наилучшим образом.

У Йозефа, как городского врача Альтштадта, было два ученика и помощника – молодых парня, которым он поручал дела, не требующие серьёзного вмешательства. К нему часто приходили за советами другие врачи, и он никому не отказывал в помощи.

Иногда доктор запирался в своём кабинете и начинал творить. Смешивал различные составы и получал превосходное снотворное или мазь, хорошо заживляющую раны, болеутоляющее средство или противоядие от укусов ядовитых змей... Но, прочитав известную книгу Андреаса Аурифабера, Мюнц заинтересовался целебными свойствами янтаря. Тогда же доктор начал отслеживать все сведения, посвящённые лечению солнечным камнем, и через некоторое время стал обладателем интереснейших исследований, которые он делал, читая книги, слушая выступления иных учёных мужей, а также общаясь с простыми людьми. Мюнц узнал, что наиболее ранние сведения о целебных свойствах янтаря относятся ещё к временам Гиппократов. Величайший врач древности описывал лечение янтарём при заболеваниях кожи и зубов, при головных болях и судорогах, при изнурительном кашле и коликах. Восточные медики древности Аль-Рази (9) и Абу Али Ибн-Сина (10) тоже отдавали дань уважения целебным свойствам янтаря. Примерно полтора столетия назад начали появляться книги европейских медиков, восхваляющие свойства солнечного камня. Ему приписывалось умение смягчать дурное влияние погоды на человека. Он хорошо помогал при простудных заболеваниях и лихорадке. Европейские врачи полагали, что янтарь избавляет практически от всех недугов. Но следовало учесть, что сам камень болезнь не «сжигает», он просто «вытягивает» её по каплям из тела, так же, как притягивает всякий мелкий сор, если его слегка потереть о шерсть.

Однажды доктор Мюнц сказал себе примерно следующее: на побережье Остзее добывают много янтаря. Но увозят его далеко отсюда, для того, чтобы делать из него украшения... А что, если попытаться купить у бернштайнгеррен фунтов десять-двадцать солнечного камня для медицинских опытов? Можно сделать янтарный порошок, настойку, янтарный пластырь, крем и масло... да много чего ещё! Он представил, как продаёт янтарный крем дамам, дабы те накладывали на лицо маску из него. С целью омоложения и разглаживания морщин... Он будет первым врачом в Кёнигсберге, начавшим практиковать лечение янтарём!

В его особняке найдётся место для опытов с солнечным камнем, и он немедленно займётся этим! Но, где раздобыть, не преступая закона, нужное количество этого «дара природы»? Видимо, придётся поехать туда, где его добывают, и поговорить с самим бернштайнмайстером... А вдруг на это потребуются разрешение самого Великого курфюрста?

Но, чем дальше думал доктор Мюнц над этим вопросом, тем яснее понимал, что здесь никто не позволит ему легально заниматься янтарной медициной. Весь скупленный у добытчиков солнечный камень строжайше описывался и увозился под надёжной охраной в одном из известных направлений за пределы курфюршества. Так что же? Ехать в Польшу и покупать его там? Такие поездки в настоящее время чреватые нешуточными расходами и опасностями: в Европе только что закончилась война (11) множество бывших солдат занимались разбоем на дорогах Германии и Польши. Только здесь, в Восточной Пруссии было относительно тихо и спокойно... Что ж, ничего не поделаешь, видимо, придётся ехать в Гермау.

Утром, попивая ароматный кофе в своём кабинете, в обществе Моники, Йозеф со вздохом, сказал подруге:

– Милая, мне придётся на некоторое время покинуть Кёнигсберг...

– Что случилось, дорогой? У тебя появился кто-то? Наверное, она молода и красива? – девица обиженно, но с достаточной долей кокетства, надула губки.

– Нет, это касается моего ремесла... Возможно, в будущем данная поездка круто изменит нашу жизнь...

– Как интересно! Расскажи же, милый Йозеф, что ты надумал? Сейчас в Европе очень неспокойно, пропадают люди, даже из своих домов! Ты же помнишь, граф фон Штейниц, богатый и влиятельный вельможа, у которого множество слуг, бесследно пропал из собственного замка! Куда ты едешь? Надолго ли?

– Нет, дня на два... – тут Мюнц вспомнил о другой своей подруге, Анне, и поправился: – Пожалуй, денька на три, не больше. Я хочу у управляющего янтарным промыслом выпросить разрешение на покупку янтаря...

– Зачем он тебе? – расширила глазки Моника. – Ты хочешь сделать мне подарок? Мне бы подошли янтарные бусы! Говорят, они отгоняют злых духов! – кокетка всегда хорошо знала, чего хочет, поэтому медленно, но верно достигала желаемого.

– Я тебе закажу янтарные бусы из самой Венеции, – мило улыбнулся доктор. – Они будут прекрасно гармонировать с твоими карими глазками, Моника. Но сейчас мне нужен янтарь для опытов. Я хочу делать на его основе лекарства!

– Из янтаря?

– Да, дорогая. Вся Европа давно уже лечится янтарём, а мы, хоть и добываем его, не имеем возможности использовать. Всё сразу уходит за границу... А ведь солнечный камень из Восточной Пруссии – это не только красивые безделушки, это ещё – запас живительных сил, здоровье и радость человека! – он немного помолчал. – Вот у моей матушки болят колени... Думаешь, помогают ей компрессы от старого Лаппе? Еле-еле! Но я сделаю янтарную мазь, мама будет перед сном втирать её в ноги – и все боли, вот увидишь, как рукой снимет!

– Какой ты заботливый, мой Йозеф... Но как же твои пациенты? На кого ты их оставишь?

– Мои помощники, Карл и Фридрих, прекрасно справятся без меня!

– А я по тебе буду скучать..., – женщина сделала вид, что готова задушить его своими страстными объятиями и поцелуями...

– Не надо, милая Моника. Путешествие не займёт много времени. Меня беспокоит другое: вдруг мне откажут? Мне ведь понадобится достаточно много янтаря, и, причём, разных сортов – жёлтого, белого, чёрного, голубого...

– А потом ты будешь занят работой... И забудешь про меня, – Моника вновь надула губки. Как хамелеон, она умела принимать разные цвета и формы, но при этом всегда оставаться очаровательной и желанной.

– Ну, что ты, работа приносит доход..., а также духовное удовлетворение от того, что ты помогаешь страждущим людям. Тем, что благодаря тебе они вновь обретают здоровье... Ты же, дорогая, создана для любви. А без неё никто не может жить!

– Как ты красиво это сказал! – Моника прильнула к доктору.

– Йозеф!.. – послышался скрипучий старческий голос из соседней комнаты.

– Иду, матушка!

– Сынок, – пожаловалась доктору пожилая женщина, полулежащая на обитой кожей кушетке. – У меня опять кости ломит... Все суставы выкручивает... Наверное, к перемене погоды... Пошли кого-нибудь к Лаппе, сынок. От его компрессов, хоть ненадолго, но становится легче...

– Хорошо, матушка, – ответил доктор, а про себя подумал: «Еду немедленно!»

Не прошло и часа, как доктор Мюнц переоделся в дорожное платье, прицепил к ремню шпагу, которой, кстати, неплохо владел, и уселся на запряжённого Мулата, молодого, энергичного жеребца. «В замке Гермау, – подумал Йозеф, – я буду часа через четыре!»

В среду, примерно в три часа пополудни 21 сентября 1650 года у ворот замка Гермау, который позже переименовали в Гермау, где размещался Янтарный суд, появился всадник. Выглядел он не воинственно, а, скорее, напоминал государственного чиновника – шляпа, широкий плащ, ботфорты и шпага. Прибыл он издалека – его конь был в мыле. Всадник спешился, сделал несколько движений, разминая мышцы рук и спины, и направился к стражникам. По пути он косо взглянул на холм Гальгенберг – на его вершине стояла виселица, а на ней болтался достаточно «свежий» казнённый.

Сам замок выглядел довольно обветшалым, кое-где крошились и осыпались кирпичи, в стенах зияли трещины. Сюда шесть лет назад переехал Янтарный суд вместе с администрацией управляющего янтарными делами.

– На месте ли господин бернштайнмайстер? – спросил у стражников Йозеф Мюнц. – У меня к нему важное и срочное дело!

Его решительный вид внушил начальнику стражи некоторую долю уважения.

– Кто вы, сударь?

– Я – городской врач Альштадта Йозеф Мюнц. Выполняю поручение городского совета! Мне необходимо увидеться с господином Гельмутом Йокельминцем!

– Имеется ли у вас соответствующий документ? – скорее, для порядка спросил начальник стражи.

– Разумеется, – доктор достал специально припасенный для такого случая список требуемых лекарств для альштадской клиники «Всех Святых» с печатью города.

Взглянув на герб Альштадта, охранник кивнул. Читать текст он не стал, а, может, и не умел.

– Следуйте за мной, герр доктор. Я провожу вас к бернштайнмайстеру.

Управляющий янтарными делами Гельмут Йокельминц был высоким, худощавым мужчиной с задумчивым взглядом. Он сидел за столом из орехового дерева, курил трубку и просматривал какие-то записи. Подле него стоял секретарь, пожилой человек с круглым животом и явно чего-то ожидал. Оба с интересом взглянули на вошедшего доктора.

Йозеф Мюнц вежливо поздоровался и кратко изложил суть своего дела. Бернштайнмайстер долго рассматривал то лежащие перед ним бумаги, то самого посетителя, прежде чем ответить.

– Мне нравится, господин доктор, – наконец, произнёс управляющий янтарными делами, мягким, вкрадчивым голосом, – что вы всё хотите уладить по закону... Тот, кто идёт против закона, тот обычно..., – он кивнул в окно, намекая на стоящую на Гальгенберге виселицу, – качается в петле... А вы поступили правильно: приехали ко мне из Кёнигсберга и излагаете свою просьбу... Но, даже если в душе я и согласен с вами, поскольку, лекарства из янтаря, в самом деле, очень хорошо лечат недуги, насколько мне это известно из переписки с друзьями..., я не могу дать вам своё разрешение, поскольку у меня есть приказ Великого курфюрста... А что он гласит, вы прекрасно помните. Езжайте лично к нему и попытайтесь уладить этот вопрос. Я не имею права распоряжаться запасами солнечного камня по своему усмотрению. Узнав, что я распродаю янтарь направо и налево, Фридрих Вильгельм прикажет вздёрнуть и меня... И будет совершенно прав..., – чиновник сделал знак рукой, который означал, что аудиенция закончена.

Оказавшись во дворе замка Гермау, Доктор Мюнц приуныл. Хотя, в общем, он был готов к тому, что ему откажут. Но, ехать к курфюрсту?.. Для этого необходимо подлинное решение городского совета и, возможно, личная просьба самого бургомистра. Может, Йокельминцу надо было предложить денег? Что же предпринять?

Тут он почувствовал, что его кто-то тронул за рукав камзола.

– Любезный доктор, – это был тот самый секретарь, что находился подле бернштайнмайстера. Заискивающий взгляд тихого, кабинетного работника коснулся лица Йозефа Мюнца. –

Мне бы хотелось помочь вам, человеку, заботящемуся о здоровье горожан... Я могу дать вам совет, а вы уж решайте сами, следовать ему или нет...

– Я слушаю вас, герр...

– Брандт... Михель Брандт, к вашим услугам... Вот что я вам скажу, дорогой доктор, – секретарь воровато оглянулся. – Здесь вы ничего не добьётесь. Но на побережье масса народу занимается незаконной добычей янтаря. Их иногда... немножко вешают, но, поверьте мне, от этого количество ловцов солнечного камня не уменьшается. В каждом доме, поверьте мне, спрятаны кое-какие запасы янтаря. Походите по прибрежным посёлкам, поговорите с людьми. Наверняка найдётся тот, кто за пару дукатов продаст вам фунт-другой... А иного выхода я не вижу... Хоть это и незаконно, но, сами понимаете, есть только одни законы, которые нельзя нарушать ни в коем случае, – он поднял глаза к небу. – Это – законы божьи... И опасайтесь находиться на берегу моря, если у вас нет соответствующего разрешения. Можете нарваться на неприятности...

Йозеф Мюнц направился в сторону Раушена, поблизости которого располагались две деревушки, в которых наверняка обитали незаконные добытчики янтаря – Люменфалль и Грандине. Время было ещё не позднее, поэтому он рассчитывал на то, что покупку янтаря ему сегодня удастся совершить.

Обе деревеньки были ужасно похожи одна на другую. Бедные, обветшалые дома, яблони, груши и сливы в садах, огороды с подсолнухами и кабачками, сети, сушащиеся во дворах, перевёрнутые разошедшиеся лодки. Кое у кого из хозяев имеется скот, вот, в пыли лежит жирная свинья, возле которой копошатся куры. Тут и там бегают ребятишки, с любопытством оглядывая незнакомого господина в шляпе и со шпагой. Но взгляды у жителей – настороженные, опасливые, на вопросы отвечают неохотно. Разумеется, о хранящемся янтаре никто ничего не знает. Иначе бы сообщили куда следует...

– Я понимаю, – говорил им доктор, – о таких вещах распространяться нельзя. Но всё же, если у вас появятся какие-то сведения... Я бы купил несколько фунтов прямо сейчас и предложил бы неплохую цену.

Но, чем дольше доктор Мюнц ходил по дворам, тем яснее становилось ему: он зря теряет здесь время. Наконец, Йозеф оказался на откосе, с которого открывался вид на вечернее море. Внизу лежали огромные валуны, тихий прибой жался к берегу, как щенок к ласковой матери. Здесь было тихо, спокойно и одиноко. Почему-то вспомнились слова Моники о бесследно пропавшем графе Штейнице...

Тем не менее, Мюнц не терял надежды. Весть о покупателе янтаря наверняка быстро распространится по деревушкам, кто-нибудь да проявит интерес. Сами придут... Надо только подождать. А переночевать он сможет в Раушене, там есть постоянный двор. Отправляться в путь на ночь глядя ему не хотелось. Завтра он ещё продолжит поиски. – Это вы интересовались янтарём? – две тёмные фигуры мелькнули в зарослях малинника между сосен.

– Да, – обрадовался доктор. – Я готов купить его немедленно! Наша сделка останется в тайне! Мне нужно много янтаря. Я могу подъехать ещё. Плачу тоже неплохо, столько, сколько пожелаете вы...

Тяжёлый удар камнем по голове оборвал его взволнованную речь. Третьего человека, подкравшегося к нему со стороны моря, доктор так и не заметил.

Обшарив карманы и выудив мешочек с монетами, который весил достаточно внушительно, грабители сбросили бесчувственное тело Йозефа Мюнца с крутого откоса вниз...

Глава 4. Раненый, больной и философский камень

– Видите эти водоросли? Они сине-зелёного цвета и напоминают сосновые лапы. Я их так и называю, а какое они имеют книжное название, мне плевать. Так вот, в том месте, где их особенно много, там и ищи янтарный пласт. Возможно, до него получится добраться и голыми руками, но он может находиться и на глубине. Море размывает пласты, кусочек за кусочком выбрасывая камни на берег, но это занимает слишком много времени! Поэтому иногда хорошо иметь под рукой заступ или кирку!

Так объяснял своим племянникам Иеремия Паулихтер, сидя за столом и поедая гороховую похлёбку с салом. Два последних похода старого мошенника и его малолетних помощников увенчались успехом – они добыли не менее пятнадцати фунтов добротного разноцветного янтаря, включая куски чёрного, белого и редкого голубого. Часть добычи была спрятана в надёжном месте, за домом, а часть Иеремия продал, заработав на этом шесть дукатов. В доме наконец-то появилась нормальная еда, и даже пиво.

– Ты целыми днями пропадаешь на побережье, а про пекарню свою совсем забыл, – заметила хозяйка.

– Да что там пекарня, – махнул рукой деверь Иоганна. – Герхард и без меня отлично управляется, – он отхлебнул из кружки пива. – Хотя, конечно, надо его проведать... И ты права... Вода с каждым днём всё холоднее, а находиться в ней по нескольку часов – это здоровья не прибавит!

– Пора вам заканчивать летний сезон...

– Нет, ещё рано! Просто, надо пореже выходить на промысел! Только тогда, когда погода благоприятствует, и, разумеется, после шторма! Вы как, братья?

– Мы готовы! – тут же за всех ответил старший, Ганс, тоже сидящий за столом с кружкой пива.

Курт и Петер кивнули головами, а Пауль смотрел в окно, о чём-то задумавшись.

– Сказывают, – заметил Иеремия, доставая трубку, – что по деревне ходил человек, скупающий янтарь... Вчера его видели... Он спрашивал по дворам, кто желает продать... И обещал неплохо заплатить.

– Как же, заплатит он тебе! Петлэй возле замка Гермау! – ответила хозяйка.

– Нет, тот человек, вроде бы, с бернштайнгеррен не связан... Сам он из Кёнигсберга, городской доктор... Хотелось бы с ним поговорить...

– Узнай, где он остановился и поговори! Хотя, народ сейчас неохотно общается с незнакомцами. После того, как близ Кранца пропала молодая девица... Говорят, в здешних местах появился оборотень!

– О чём ты болтаешь, Иоганна! Был бы жив твой муж, он бы тебе за такие слова задал трёпку! – воскликнул Иеремия. – Мало ли из-за чего пропадают девки? Может, пошла купаться и утонула в море!

– Нет, – подседа ближе к Иеремии женщина. – Сказывают, – шёпотом продолжала она, что это – пропавший граф фон Штейниц! Он время от времени превращается в волка и нападает на людей!

– С чего бы это? – Иеремия сделал ещё несколько глотков пива.

– Говорят, он воевал в Центральной Германии, а там этих оборотней – словно мышей в погребе! Вот один из них и укусил его. Как уж ухитрился это сделать, про то лишь Господь ведаёт... А у них как – вселился бес, и сам стал оборотнем!..

Дождь... Маленькие дождинки собираются в струйки и текут вниз... Слышно, как они тихо журчат, как часто-часто капли шлёпаются в опавшую листву... Как звонко стучат по мор-

ской глади... Встретились две водные стихии... «Всё-таки мама была права – к непогоде разболелись у неё ноги... Мама?... Она в Кёнигсберге... Но где же я?...»

Йозеф открыл глаза. Затылок горел огнём. Темно... А от этого неуютно и немного страшно...

«Где я?»

Сквозь стук капель еле слышен звук прибоя. «Я на побережье... Да, я приехал за янтарём... Бродил по деревням, выпрашивал... Затем ко мне подошли двое... А третий ударил сзади...»

Доктор застонал, вспомнив всё, что с ним приключилось накануне... «Мулат!.. Видимо, его украли... Кошелёк?.. Тоже похищен. Хорошо, хоть не убили... Тело, кажется, не болит, только затекли ноги и бока...»

Мюнц попробовал пошевелиться. Острая боль пронзила затылок. «Плохо дело... Неужели мне проломили голову? От таких ударов можно ожидать самых плохих последствий... Но я не утратил способности думать... Постой, а почему я отчётливо слышу шум дождя, но не чувствую холода и сырости? Не случился ли со мной паралич?»

Пошевелив ногами и руками, доктор немного приободрился. Вскоре он убедился, что находится в незнакомом укрытии. Земляной пол, земляные стены... «Я в какой-то норе... Но здесь, хотя бы, не капает... Как я попал сюда? Что было после того, как меня ударили?»

Руки и ноги свободны, значит, он не связан. «Надо определить, где я...»

Превозмогая головную боль, Йозеф перевернулся на спину, оперся локтями в земляной пол и попытался привстать...

– Ожил? – сначала он услышал голос, потом до него донесся шорох снаружи. – Сейчас с зажгу свечу...

– Кто ты? – спросил Мюнц. – Где я нахожусь? И как сюда попал?

– Ты у меня в гостях, путник. А это – мой дом. Тебя притащил сюда я. Ты упал с откоса и, хвала Создателю, что не свернул себе шею и не разбился о камни! Я осмотрел тебя и убедился, что падал ты не по своей воле... Тебя пытались убить.. Я наложил тебе компресс из водорослей... Твоей голове не на шутку досталось и я ещё не знаю, чем это закончится... По крайней мере, ты начал двигаться и разговаривать. А это уже неплохо!

– Ты врач?

– В какой-то мере, да. А ты сейчас – мой пациент. – Незнакомец чиркнул кресалом, и вскоре запылала сальная свеча. Наконец, Йозеф Мюнц смог оглядеться.

– Это – моя землянка. Я вырыл её на откосе и живу здесь. Было бы не по-христиански бросить тебя на берегу, клянусь небесами... – с этими словами мужчина, одетый в серые дурно пахнущие лохмотья, протиснулся внутрь и устроился рядом с доктором.

Мюнц почувствовал, что у него закружилась голова, и он снова прилёт.

Места в логове незнакомца едва хватало на двоих человек.

– Ты довольно быстро пришёл в себя, – продолжал, между тем, тот. – Я полагал, что ты очнёшься не ранее завтрашнего дня...

– Почему ты в такой странной одежде? Капюшон, закрывающая лицо повязка... рукавицы... Понимаю, ты – болен. Открой мне своё обличье, я не боюсь прокажённых!

– Что ж, раз ты сам догадался..., – ответил тот, отбрасывая за спину капюшон с повязкой.

Перед Мюнцем предстал человек, страдающий проказой. Лицо его было обезображено до крайности и представляло типичную «львиную морду», как описывали подобную внешность ещё медики древности. Распухший бесформенный нос, огромные желваки на лбу и скулах, потрескавшаяся кожа, отсутствие бровей и ресниц...

– Ты не боишься заразиться от меня, чужак? – в глазах прокажённого угадывались ум, доброта и участие. Но в них слишком явно усматривалась невыносимая печаль... – Правда, в твоём положении неизвестно, чего стоит опасаться больше – стать в будущем про-

кажённным или в самом скором времени безмозглым калекой. Впрочем, если Пресвятая Дева Мария к тебе благоволит, ты счастливо избежишь обеих неприятностей и останешься прежним...

– Как твой имя, любезный друг?

– Всё в прошлом, и имя тоже... Впрочем, зови меня Отто.

– А я – Йозеф Мюнц. Городской врач Альтштадта.

– О, как приятно видеть подле себя учёного человека! Что же случилось с тобой, Йозеф? Почему на тебя напали?

– Я приехал сюда в поисках янтаря, – ответил тот и кратко изложил Отто свою историю. – Отчего на меня напали? Возможно, хотели просто ограбить. Увели коня... Похитили кошелёк...

– Ты искал янтарь? Ты найдёшь его. Я знаю людей, которые с радостью продадут его тебе. Вот я свой камень... так и не нашёл...

– А что за камень искал ты, Отто? – поинтересовался Мюнц.

– Я расскажу тебе, раз ты такой любопытный. Но сначала ответь, каково твоё самочувствие? Голова кружится? Рана болит?

– Кружится немного... Место, куда ударили, тоже саднит...

– Тебе нужен покой. Ладно, завтра я снова поставлю компресс... А сейчас, если хочешь, слушай..., – он задул свечу. – И попытайся заснуть.

В землянке стало заметно темнее – ночное небо было затянуто тучами, которые ни луна, ни звёзды не могли проткнуть своими прозрачными лучами. Йозеф закрыл глаза.

– Я с самых юных лет мечтал о философском камне... Слышал ли ты о таком?

– Конечно, слышал. Это – камень, с помощью которого любой металл можно превратить в золото. Только, сдаётся мне, что всё это выдумки...

– Выдумки? Хорошо, – усмехнулся Отто. Его голос был глухим – знать, болезнь повредила гортань. – Я тебе расскажу кое-что... В прошлом, я много читал, и обратил внимание на очень любопытные факты. Вот, один из них. Речь идёт о Раймунде Луллии, испанском поэте, философе и знаменитый алхимике... Он получил от английского короля Эдуарда II заказ на выплавку 60000 фунтов золота. Для этого ему были предоставлены три металла: ртуть, олово и свинец...

– И что же, он из них сделал золото?

– Представь себе, любезный доктор! Луллий превратил их в золото! Из него потом было отчеканено большое количество ноблей отменного качества! Ты, конечно, можешь сомневаться в этом, но нобли той особой чеканки до сих пор имеют хождение и владельцы ими очень дорожат!

– И он это сделал с помощью философского камня?

– Я уверен, что да...

– Но, насколько мне известно, философский камень – это не камень в прямом смысле данного слова... Это вещество, которое можно получить с помощью смешивания многих компонентов, соблюдая определённые условия... Я слышал, существуют рецепты его изготовления...

– Ты прав, доктор, по свету бродит множество рецептов, но верный – только один... Однако, если ты не устал слушать сумасшедшего неудачника, я поведаю тебе ещё кое-что... Император Священной Римской империи Рудольф II оставил после своей смерти в 1612 году большое количество золота и серебра в слитках, приблизительно восемь с половиной и шесть ласт (12) соответственно. А теперь – вопрос... Откуда они появились? Никто не мог понять, где император мог взять столько драгоценных металлов, если весь национальный запас был, по подсчётам, значительно меньше. Это золото также сильно отличалось от золота, которое

использовалось в те времена для чеканки монет – оно оказалось более высокой пробы и почти не содержало примесей...

– Видимо, и оно было изготовлено из свинца...

Дождь, похоже, усилился. Капли воды шуршали в траве, стучали по листьям и ручейками стекали в прибрежный песок.

– Неужели алхимики помогли? – продолжил размышлять Мюнц.

– Возможно... Другого объяснения я не вижу... Вот я и задумался, дорогой мой доктор, о том, как же можно было получить такое количество превосходного по качеству благородного металла? Только с помощью философского камня и никак иначе!

Отто немного помолчал. Было видно, что ему нелегко говорить из-за болезни горла. Затем он продолжил:

– Этому средству приписывается могучая сила: оно способно не только облагораживать металлы, но и служить универсальным лекарством... Его раствор, разведённый по определённым правилам, его ещё называют «золотой напиток» (13), принятый внутрь в малых дозах, исцеляет все болезни, молодит дряхлое тело и делает жизнь более долгой и счастливой! – Отто говорил с огромным воодушевлением. – Возможно, оно избавит от проказы и меня, клянусь Господом! – внезапно в его речи наступила длительная пауза. Мюнц не прерывал его.

– Но как его получить? – голос прокажённого дрогнул. – Первым человеком, поведавшим миру о философском камне, был египтянин Гермес Трисмегист. Только почти все его труды погибли при пожаре в Александрийской библиотеке, а немногие из оставшихся, по легенде, были зарыты в тайном месте в пустыне....

«Кто вы?» – хотел спросить его Йозеф. Отто, несомненно, был образован и умен. Его рассуждения были аргументированными и убедительными. Так выражаться может только... не иначе, как высокий дворянин или профессор университета! Впрочем, его размышления были тут же прерваны.

– После этого мне в руки попался труд «Различные ремёсла» монаха Теофила, настоящее имя которого Рогерус... Он жил давно, тысячу лет назад... на севере Германии. Этот монах тоже объяснял, как получить золото. Ты будешь смеяться, Йозеф, но он утверждал, что, прежде всего, следует вырастить василисков – драконов, выводящихся из яиц, снесённых старым петухом. – Отто еле слышно усмехнулся. – В подземную комнату, пол, потолок и стены которой выложены камнем, он помещал старых петухов, лет двенадцати – пятнадцати, и давал им вдоволь корма. Когда те жирели, то из-за внутреннего жара в теле начинали спариваться и откладывать яйца. Потом петухов убивали, а для высживания яиц использовали жаб. Последних кормили хлебом и иной пригодной пищей. Из созревших яиц вылупливались петушки, похожие на обычных, но через неделю у них отрастали змеиные хвосты, и если бы не каменные полы, они тотчас ушли бы под землю. Чтобы не допустить этого, их сажали в круглые медные горшки, которые закрывали крышками, а по всей поверхности пробивали отверстия. Цыплят помещали в такие сосуды и зарывали их в землю. Полгода цыплята питались землёй, которая набивалась сквозь дырки. Затем крышки снимали и разводили огонь, на котором сжигали этих василисков. А когда содержимое горшков остывало, его доставали и измельчали, добавив туда на треть крови рыжего мужчины. Эти два ингредиента разводили крепким винным уксусом. Затем брали очень тонкие пластинки очищенной красной меди, на каждый конец которых накладывали тонкий слой этого состава и ставили на огонь. Когда пластины раскалялись добела, их доставали, остужали и смывали в том же составе, пока вся медь с двух концов пластинок не будет поглощена веществом, которое от этого разбухало и приобретало цвет золота. По словам монаха это и было золото, которое годится для многообразного применения.

– Простите, Отто..., – Мюнц уже не мог обращаться к своему спасителю, как к простолюдину. – Вы сами-то верите в этот бред?

– Согласен с вами. Довольно сомнительный метод. Признаюсь, я пробовал повторить данный опыт, но, как это ни странно, – он вновь усмехнулся, – петухи напрочь отказались нести яйца... В общем, меня ожидала неудача... Затем я перепробовал множество и других способов получения философского камня. Более всего мне был близок и понятен метод Абу Муса Джабир ибн Хайян (14), в Европе более известного под именем Гебер, разработавшего ртутно-серную теорию происхождения металлов. Я постараюсь в двух словах пояснить вам её суть. Как человек учёный, вы поймёте меня... В основе всех металлов лежат два начала – Ртуть и Сера. Имеются в виду их философские понятия... Ртуть отличается принципом металличности, а Сера – принципом горючести.

Согласно учению Джабира, сухие испарения, конденсируясь в недрах Земли, дают Серу, мокрые – Ртуть. Затем под действием теплоты два начала соединяются, образуя семь известных металлов – золото, серебро, ртуть, свинец, медь, олово и железо. Золото – совершенный металл – образуется, только если вполне чистые Сера и Ртуть взяты в наиболее благоприятных соотношениях. В земле, согласно Джабиру, образование золота и других металлов происходит постепенно и медленно; «созревание» золота можно ускорить с помощью некоего «эликсира», который приводит к изменению соотношения Ртути и Серы в металлах и к превращению последних в золото и серебро. Поскольку плотность золота больше плотности ртути, считается, что эликсир должен быть очень плотной субстанцией. Позднее в Европе он и получил название «философский камень»...

Отго помолчал. Мюнц тоже хранил молчание. Оба слушали шум дождя, который, похоже, вновь усилился.

– Клянусь небесами, дорогой доктор, не стоит считать меня алчным человеком. Я никогда не стремился, во что бы то ни стало получить мешок золота, данный метал для меня лишь инструмент, а не цель. Целью для меня являлся сам философский камень. И духовное освобождение, превознесение, дарующее тому, кто им обладает, – абсолютную свободу! И, конечно, я ищу способ снова стать здоровым и вернуться к нормальной жизни...

Нервное потрясение отошло в сторону, тихая монотонная речь соседа по землянке успокаивала. Дрёма в конце концов окутала доктора, и раненого сморил такой нужный для его здоровья сон...

Ему приснилось, что он бредёт по морскому берегу и высматривает в песке кусочки янтаря. То тут, то там виднелись маленькие камешки, и доктор поднимал их и складывал в свой кошелек. Внезапно он едва не столкнулся... с худеньким пареньком, у которого на шее висел обрывок верёвки.

– Кто ты, юноша? – задал вопрос доктор.

– Я ищу вас... Вы ведь хотели купить янтарь, не правда ли? Я собирал его специально для вас, но меня схватила береговая стража, и, поскольку солнечного камня у меня оказалось достаточно много, меня тут же и повесили...

Лицо парнишки было чрезвычайно бледным, а на шее виднелась багровая полоса.

– Мне очень жаль, что у нас такие законы, которые порой приходится нарушать...

– Я хотел вас предупредить. Сбор янтаря – это очень опасное занятие. Но я приготовил вам оберег... Или – талисман. Он изготовлен из солнечного камня и обязательно поможет вам в трудную минуту... Возьмите, – мальчик протянул доктору ладонь, на которой лежал плоский янтарный камушек, из которого, словно слезинки вытекали три янтарные капельки...

Глава 5. Слово доктора Мюнца

– Проклятье! Боюсь, что с нашим негоциантом случилась беда! – Иеремия в сердцах так грохнул по столу кулаком, что показалось, будто у того сейчас подломятся ножки.

– О каком негоцианте ты говоришь? – удивлённо спросила Иоганна, хлопотавшая возле очага.

– Как какого? Того самого, который вчера собирался покупать янтарь... У нас как раз скопилось немного... Разного цвета, в том числе белого, костяного... А тот господин, вроде, врач, он из этого янтаря готов производить лекарства...

– Лекарства из янтаря? Бог с тобой, Иеремия! Он же – камень!

– Молчи, женщина, раз ничего не понимаешь! Янтарь – особенный камень! И ему не зря приписывают чуть ли не волшебные свойства! А лекарства из него делали ещё в древние времена! И мы бы все лечились янтарём, если бы не жадность курфюрста!

– И что же случилось с этим врачом? – Иоганна принялась резать овощи.

– Старый Герхард рассказал, что видел молочника Вилли. А тот был свидетелем того, как Карл Кнойпвиц и Михель Нойерман продавали жеребца в Раушене. А конь-то – в точности, как у нашего пропавшего врача. Чувствуешь, откуда ветер дует?

– Господь с тобой, Иеремия... Уж не думаешь ли ты, что Карл и Михель... ограбили этого... покупателя?

– Как раз об этом я и думаю! – хмуро произнёс деверь Иоганны. – Я собираюсь допросить кого-нибудь из этих молодчиков... Мне не хотелось бы терять хорошего покупателя... Надеюсь, они сохранил ему жизнь...

– Пойдём, дядя Иеремия! – воскликнул находящийся рядом Ганс. – Я помогу тебе!

– Ты как, Иоганна? Не будешь возражать, если я возьму с собой Ганса и Курта? Им давно пора становиться настоящими мужчинами и отстаивать интересы семьи!

Мать тяжело вздохнула и вытерла рукой пот со лба. Затем присела на табурет.

– Возьмите ещё и Петера. Он в огороде... А ты уверен, что разбойники не будут потом мстить нам?

– Пусть только попробуют! Четыре брата – это сила! Пусть все знают семью Паулихтер! В этой деревне мы должны устанавливать порядки!

– Карла видели в трактире «Хромая лошадь», – сказал Иеремия своим троим племянникам, когда они выходили из дома. – Возможно, он до сих пор там... или где-то поблизости. Мы возьмём его тёпленьким! Если что, вы держите его за руки, а разговаривать с ним буду я!

– Только до смертоубийства не доводите, – умоляюще промолвила мать.

– Не бойся, Иоганна, никого мы убивать не собираемся. Но тот, с кем мы будем беседовать, не должен об этом догадываться!

Через некоторое время, Йозеф Мюнц словно вынырнул на поверхность из глубин сна. В темноте слышался тихий голос отшельника.

– Незаметно для себя, я из мечтателя и искателя превратился в алхимика, перестал посещать церковь и приходить на семейные обеды... Всё своё время я посвящал одним только опытам.

...После множества проб и ошибок, я решил получить философский камень по рецепту Великого Гримуара. Я всё делал так, как описывал он. Взял горшок свежей земли, добавил туда фунт красной меди и полстакана холодной воды... Всё это я прокипятил в течение получаса. После чего добавил к составу три унции окиси меди и прокипятил ещё один час... Но и это ещё не всё. Я добавил в варево две с половиной унции мышьяка, и кипятил ещё час...

– Неплохой, должно быть, получился бульон..., – еле слышно произнёс Мюнц.

– Вы не спите, доктор? Мне показалось, что вы, наконец, задремали...

– Некоторое время я, действительно, был в царстве Морфея..., но, сейчас я вас внимательно слушаю, Отто. Мне чрезвычайно интересно!

– Тогда я продолжу... После всего этого я засыпал три унции хорошо размельчённой дубовой коры и оставил на огне на полчаса... Затем влил в горшок унцию розовой воды, прокипятил двенадцать минут... Напоследок добавил три унции сажи и варил до тех пор, пока состав не оказался готов...

– А как вы узнали, что он готов?

– Чтобы понять, сварен ли он до конца, надо опустить в него гвоздь: если состав действует на гвоздь, снимайте с огня. Этот состав позволит вам получить полтора фунта золота; если же он не действует, это – признак того, что состав недоварен...

– Ну, и... Получилось ли у вас?

– Видимо, что-то пошло не так...

Вы знаете, доктор, что основой всех алхимических течений является теория четырёх элементов? Эта теория была подробно разработана греческими философами, такими как Платон и Аристотель. Согласно учению Платона, Вселенная была создана Демиургом из одухотворенной Первичной материи. Из неё он создал четыре элемента: огонь, воду, воздух и землю. Аристотель добавил к четырём элементам пятый – квинтэссенцию. Именно эти философы, по сути, и заложили фундамент того, что принято называть алхимией...

Отто наклонился к углу каморки, достал оттуда кувшин и сделал несколько глотков воды.

– Постарайтесь заснуть, доктор. Вы же понимаете, что сон для вас сейчас – наилучшее лекарство... Я же продолжу свою речь... Мне не привыкать к разговорам с самим собой...

Триада алхимиков – сера, соль и ртуть. Особенностью этого утверждения является еретическая, по мнению Церкви, идея большого и малого Космоса. (15) То есть, человек в ней рассматривается как мир в миниатюре, как отражение Великого Космоса со всеми присущими тому качествами. Отсюда и значение элементов: сера – дух, ртуть – душа, соль – тело. Таким образом, и Космос, и Человек состоят из одних и тех же элементов – тела, души и духа. Если сравнить эту теорию с теорией четырёх элементов, то можно увидеть, что Духу соответствует элемент огня, Душе – элемент воды и воздуха, а Соли – элемент земли. И если при этом учесть, что в основе алхимического метода лежит принцип соответствия, который на практике означает, что химические и физические процессы, происходящие в природе, сходны тем, что происходят в душе человека, получим: Сера – бессмертный дух – то, что без остатка исчезает из материи при обжиге. Ртуть – душа, то, что соединяет тело и дух. Соль – тело – материальная основа, что остается после обжига.

– Увы... Церковь преследует алхимиков, да и многие учёные мужи отзываются о них в пренебрежительном тоне...

– Так и есть, ибо познание данной науки невозможно без изменения мышления и мировоззрения. И что самое важное – алхимию надо рассматривать, как загадку, а не ждать готового ответа в конце книги. Ибо истинное знание живо только через Откровение. Поэтому в трактатах и даны лишь зёрна истины, взрастить их и получить урожай можно только самостоятельно, и то, что вырастет (высокое дерево или чахлый кустик) зависит только от стараний учёного и никого более.

...Моя идея была назойливой, как осенняя муха, и неотступной, как преданная псина. Обычно учёного рисуют бредущим «сквозь тернии к звёздам» к своему методу, суммирующего разрозненные результаты опытов и близоруко их рассматривающего, пока он не стукнется лбом о косяк своего открытия. На деле же гораздо чаще важная мысль вдруг вспыхивает в уме исследователя, как внезапная догадка или предположение, и он тратит всё остальное время на поиски подтверждающих её фактов.

Талантливые люди всегда вызывают противоположные чувства: либо восторг – либо зависть. Их невозможно воспринимать равнодушно и невозможно забыть. Их не получается игнорировать или не замечать. Потому-то их помнят, о них думают, их любят или ненавидят! Поэтому одновременно с почитателями у нас появляются недоброжелатели и враги... То же произошло и со мной...

Карла Кнойпвица нашли на заднем дворе трактира «Хромая лошадь». Хозяин, закрывая заведение на ночь, просто-напросто вышвырнул пьяного посетителя за двери. Тот заполз за дом и устроился между сараем и чурбаном для рубки дров, где заснул настолько крепко, что его не мог разбудить даже ночной дождь. Поутру солнышко начало немного припекать, и сон загулявшего разбойника продолжился уже в более благоприятных условиях. Но тут к нему подошли четверо парней, трое из которых были совсем мальчишками, зато четвёртый выглядел матёрым волком.

– Вот, ваш Карл... валяется в луже, как свинья, – указал на ночного посетителя хозяин трактира, Мартин Хаубе. – Забирайте его к чертям, с глаз моих! А вечером, прошу в гости! Крепкое пиво и хорошее вино – всегда к вашему удовольствию! Надеюсь, вы не из таких господ, которые пьют до тех пор, пока пиво не польётся у них из ушей...

Иеремия подошёл к Карлу, схватил того за шиворот и, приподняв, прислонил к двери сарая. Затем похлопал его по щекам.

– Просыпайся, приятель!

Прошло некоторое время, прежде чем пьяница пришёл в себя и понял, где он находится, а также кто перед ним стоит.

– А-а-а, семейство Паулихтер..., – пробормотал он. – Чем обязан?

– Почём продали жеребца, Карл? – спокойно спросил Иеремия.

– За четыре дуката... Проклятый еврей Хундзон больше не заплатил... Известно – скупщик краденого тоже рискует... А... в чём дело?

– А куда вы дели врача?

– Какого врача? – еле шевеля языком, спросил Карл.

– Которого вы ограбили вчера вечером...

– Кто? Мы никого не гра...

Цепкие руки схватили Карла за горло и сдавили так, что тот захрипел. Попытки освободиться от хватки старого мошенника ни к чему не привели.

– Значит, своего коня тот врач вам сам подарил? И кошелёк впридачу?

Карл хрипел. Глаза его вылезли из орбит.

Иеремия ослабил хватку.

– Ну, будешь признаваться?

– Я ничего не знаю...

– Дядюшка, – подошёл Петер. – Давай отрубим ему руку! Вот на этом чурбане! Или хотя бы пальцы! – И потянул рукой ладонь Карла. А другой придвинул лезвие топора к лицу грабителя.

– Стойте! – закричал тот. – Я всё скажу!

– Ну, – Иеремия бросил одобрителный взгляд на подростка. – Говори!

– Мы действительно ограбили врача. Я и Михель. А рыжий Людвиг ударил его камнем по голове! Не знаю, может и убил.

– А потом что?

– Сбросили тело с откоса вниз...

– М-да... Он наверняка свернул себе шею, падая с такой кручи..., – пробормотал Иеремия. – Знаешь, что полагается за убийство, Карл? Отвести тебя сейчас к городскому судье, чтобы палач определил тебе заслуженное место?

– Иеремия..., – захныкал испуганный грабитель. – Ты же меня знаешь... Это – Людвиг, клянусь гробом Господним... Мы только карманы почистили... Не выдавай меня властям...

– Где это случилось?

– На Высоком Песчаном склоне... Врач стоял там и любовался морем...

– Что ж, мы пойдём и поищем его... Моли бога, чтобы несчастный оказался жив!

Оказавшись на вершине Высокого Песчаного склона, Иеремия переглянулся с племянниками.

– Вот здесь это и произошло, если верить пьянице Карлу.

Он подошёл к обрыву и взглянул вниз.

– Бедняга мог зацепиться за дерево или куст... Тогда шансы спастись были бы велики. Если ему не проломили голову...

– Давай, дядюшка, мы спустимся и обследуем склон, – предложил Ганс. – Может, врач застрял в кустах и лежит там...

– А вдруг он очнулся и ушёл куда-нибудь в Раушен? – предположил Курт.

Петер, держась за ствол берёзки, начал осторожно спускаться вниз.

– Давайте, Ганс, ты – слева, а ты, Курт, – справа от Петера. Я тоже спускаюсь... Живого или мёртвого, мы найдём его... Если Пресвятая Дева благосклонна к врачу, он должен быть жив...

Оказавшись на песчаном берегу, дядя с племянниками ещё раз огляделись.

– Проклятье! – воскликнул Иеремия. – Такого просто не может быть!... Выходит, врач действительно не сильно пострадал, очухался и поковылял в Раушен... Тогда оттуда должны были прибыть стражники во главе с судьёй... Эй, – он вдруг увидел одинокую фигуру прокажённого, что-то собирающего на берегу. – Человек! Ты тут живёшь, всё видишь и всё знаешь..., – он подошёл к отшельнику ближе. – Не видел ли ты, как вчера с откоса сбросили господина? Не знаешь, жив ли пострадавший?

Прокажённый повернулся к Иеремии. Сквозь дырочки полотна, скрывающего его лицо, сверкнули настороженные глаза.

– Пострадавший жив, – ответил больной. – Я позаботился о нём. Он серьёзно пострадал от нападения злых людей, но опасаться за его жизнь не следует...

– Хвала небесам! – облегчённо воскликнул Иеремия. – Спасибо тебе, добрый человек.

– Моей заслуги в этом мало, – смиренно ответил прокажённый. – Благодарю Деву Марию и Господа. Всё в их руках...

– Возьми эту монету, – с опаской протянул деньги отшельнику Иеремия. – Это всё, что у меня есть. Но мои племянники принесут тебе сегодня свежую воду и хлеба... А теперь проведи меня к несчастному. Я хочу сказать ему несколько слов, поддержать и утешить... Добрые вести всегда помогали исцелению недугов.

– Хорошо, – ответил прокажённый. – Возможно, у вас получится забрать его с собой. Ему сейчас нельзя двигаться, но если аккуратно нести, раненого можно поместить в дом. Там, всё-таки лучше, чем в моей пещере...

– Эй, братья, – подозвал Иеремия застывших на почтительном расстоянии племянников. – Бегите в деревню и найдите хорошую волокушу. Таковую, в которой можно было бы перетянуть взрослого человека. Доктор жив, но нуждается в нашей помощи. Мы оттащим его в ваш дом! И захватите еды и питья для... этого больного человека!

Ганс, Курт и Петер, обрадованные тем, что им не придётся общаться с прокажённым, помчались в деревню. Иеремия же, вслед за отшельником, начал подниматься по откосу.

– Это добрый поступок – отнести пострадавшего домой и оказать ему помощь, – заметил прокажённый. – Господь не оставит тебя.

– Все мы нуждаемся в помощи Всевышнего, – ответил Иеремия. – И иногда он действует нашими же руками...

Наконец, они достигли широкой норы, логова отшельника.

– Так вот где, значит, обосновался любопытный врач, пытающийся купить немного янтаря... – воскликнул Иеремия. – Как ваше самочувствие, доктор? Готовы ли вы к смене места проживания? Мы собираемся перенести вас в добротный дом!

Он сунул голову в берлогу и в полутьме заметил лежавшего в ней человека.

– Увы, сам я не могу ходить... Удар был очень сильным, но голова, кажется, цела... Буду крайне признателен вам, любезный господин...

– Я – здешний пекарь, Иеремия Паулихтер.

– ...господин Паулихтер, за оказанную мне помощь. К сожалению, мой кошелек украли, а коня моего увели...

– Кошелек, действительно, пропал, а вот коня вашего мы постараемся вернуть. Он находится в Раушене у известного мне скупщика краденого. Я сегодня же отправлюсь туда и прижму старого пройдоху!

– Сам господь мне послал вас, герр Паулихтер, – слабым голосом отвечал Мюнц.

– Мало того, господин доктор... – продолжал Иеремия, – я помогу вам в одном щекотливом деле, о котором вы справлялись в деревне... При условии, что вы будете держать язык за зубами и назначите приемлемую цену... Кстати, янтарь вам действительно нужен лишь для изготовления лекарств?

– Да, об этих лекарствах написали ещё сто лет назад лейб-медики герцога Альбрехта! Янтарь обладает поистине уникальными свойствами! Поверьте, многие болезни, столкнувшись с волшебной силой солнечного камня, бросятся наутёк! Но мне, мастер Паулихтер, требуется не только обычный жёлтый янтарь, но и другие его расцветки. Например, костяной, чёрный, голубой...

– Есть у нас такой янтарь. И ещё достанем. Если хотите, мы даже составим договор... – Иеремия достал трубку и полез за кисетом. – Хотя, в наше время это может послужить доказательством твоей вины... Думаю, обойдёмся без письменного соглашения, а ударим друг друга по рукам и поклянёмся перед именем Господним...

– Я согласен, – голос Мюнца заметно повеселел. – Я буду вам платить по дукату за фунт, идёт?

– Ну, было бы справедливо... немного увеличить стоимость солнечного камня... Два дуката за фунт, как вам, не очень обременительно?

Йозеф немного задумался.

– Полтора дуката. И рассчитывайте на то, что мне понадобится не менее сорока фунтов!

– Хорошо, доктор! По рукам!

– А вы, любезный Отто, – обратился Мюнц к прокажённому, – не там искали свой философский камень! За ним не надо далеко ходить. Он – здесь, рядом, буквально под вашими ногами. И снадобье, которое вернёт вам прежний вид, я лично изготовлю из янтаря! Вот вам моё слово, сударь!

Глава 6. Поединок на дороге в Кёнигсберг

В субботу 24 сентября доктор Мюнц решил возвращаться в Кёнигсберг. Состояние его улучшилось – головные боли прекратились, и рана на голове, благодаря компрессам отшельника Отто и усилиям местного лекаря Мартина Гринзее, больше не беспокоила.

Иеремия сдержал слово. Он съездил в Раушен, где встретился со скупщиком краденого Симоном Хундзоном, и припугнул того, мол, о его сделке станет известно городскому совету и лично судье Густаву Лёве. Симон согласился вернуть коня, но взамен потребовал деньги, которые за него заплатил. «Ты платил не мне, а двум бродягам, по которым плачет петля, – заметил Иеремия. – Вот с них и требуй обратно свои дукаты». Так конь вернулся к хозяину.

Доктор уезжал с лёгким сердцем. Да, он потерял шпагу и кошелёк, зато сохранил жизнь и вернул своего коня. У него теперь здесь появились надёжные люди, которым он доверяет, и с которыми у него налаживается своё дело. А Иеремия – он... любопытный старик, но, возможно, не так прост, как кажется...

Примерно через неделю Мюнц обещал вернуться. Он собирался привезти деньги и купить десять фунтов янтаря. Это – на первый раз. Кроме этого, доктор обещал подарить Курту несколько книг. Этим он привёл парня в восторг. Впоследствии, подумал Мюнц, мальчишку можно будет взять к себе в ученики и помощники. Работы у городского лекаря хватает, и лишние руки будут весьма кстати. У молодого человека есть способности к учёбе, к тому же он – грамотен и любознателен.

На ночь Йозеф остановился в Кнайпхофе у своей подруги Анны, а утром прибыл в Альтштадт. За время его отсутствия ничего особенного не произошло. Помощники врача умело проводили лечение, выписывая лекарства, вправляя вывихи и останавливая кровотечения. Ознакомившись с результатами их деятельности, доктор удовлетворённо хмыкнул: «Чему-то я вас всё-таки обучил!»

Он справился о здоровье матушки, которая переживала за сына, отсутствовавшего вместо двух дней – целых пять. К тому же, ей добавила хандры дождливая погода.

Йозеф дал указание подготовить одно из помещений для опытов с янтарём, написал аптекарю Лаппе список необходимых ингредиентов, которые он намеревался использовать в составах совместно с янтарём. В конце концов, он обложился книгами и принялся составлять план предстоящих исследований. Первым пунктом он обозначил желаемый состав солнечного камня, а точнее – его цветовую гамму.

Врач достал с полки и бережно раскрыл книгу «История янтаря». Придворными медиками герцога Пруссии Альбрехта – докторами Аурифабером и Гёбелем в этой работе, вышедшей почти век назад, указывалось, что наилучший лечебный эффект оказывает белый «костяной» янтарь, так как он является наиболее чистым веществом. Отсюда его чудесные свойства и высокая цена. Упомянутые учёные приводили также около пятидесяти рецептов снадобий, приготовляемых из янтаря. «Прекрасно, – подумал доктор Мюнц. – Есть уже готовые рецепты. Но я могу сделать их более эффективными, если дополню некоторыми целебными компонентами!»

Авторы писали, что янтарь заживляет, подсушивает раны, и поставляет в кровь бодрящие вещества, тем самым укрепляя сердце и мозг. С помощью своей сладкой серы он возрождает к жизни животную и жизненную субстанцию. Составы из янтаря возможно изготовить в виде разнообразных лосьонов, микстур и мазей. Он может использоваться в ароматических благовониях, чтобы улучшить дурной воздух и уберечься от поветрий. Масло янтаря с нашатырным спиртом отлично действует при обмороках и падучей болезни. Порошок янтаря можно нюхать, как табак, употреблять с мёдом, вином, молоком, а янтарное ожерелье носить для защиты от зоба. Бесподобен напиток под названием «ламмер-вайн», представляющий собой концен-

трат, в котором растворён янтарь. Данное снадобье некоторые коллеги Мюнца и сейчас считали эликсиром бессмертия... «А я буду первым, кто применит янтарь при лечении лепры!» – решил доктор.

Из другой книги, монаха бенедиктинового монастыря Георга Брауна, он узнал, что при изготовлении лекарств из янтаря, следует читать молитвы и особые целебные заклинания. Монах уверял, что «электрон впитывает слова, как и душу произносящего их, вложенную в каждую фразу». «В этом что-то есть, – подумал Йозеф Мюнц. – Слово Божье должно присутствовать... Пожалуй, молитву я прочту... Но кроме этого, буду убеждать солнечный камень бороться с болезнью и возрождать животворящие силы внутри самого больного...»

После вкусного и сытного обеда, во время которого Йозеф отдал должное кулинарному искусству кухарки Адели, а также выбору мясника Иоахима, поставляющего в дом Мюнца свежую птицу (городской врач отдавал предпочтение жареной утке), он проверил своё финансовое состояние и заказал у оружейника новую шпагу. Альтштадский мастер Георг Вольке обещал в ближайшее время доставить оружие в дом врача. Не так давно Мюнц успешно излечил его жену от тяжёлой горячки, используя отвар из ольховых шишек и «монастырского чертополоха» – расторопши. Ему удалось справиться с болезнью, хоть это было нелегко, и благодарный мастер сказал, что отныне Мюнц – желанный и почтенный гость в его доме. Затем Йозеф отложил необходимую сумму на поездку в Раушен и продолжил размышлять над исследованиями.

Он набросал на листе пергамента несколько схем, в которых собирался использовать: только чистый янтарь, янтарь с небольшими включениями иных минералов, и другие препараты с небольшим добавлением янтаря.

На следующий день Йозеф Мюнц выехал в госпиталь Святого Георга, где пообщался с братьями-монахами, ухаживающими за прокажёнными. Ему хотелось набрать как можно больше сведений об этой болезни, о способах её лечения, побеседовать с местными врачами, а также поискать в монастырской библиотеке медицинские труды, посвящённые борьбе с лепрой.

Увы, сведений о проказе, было совсем немного. Что же касается её лечения, то его, как такового, практически не было...

Проказу занесли в Европу с Востока рыцари в эпоху крестовых походов. Она быстро завоёвывала новые земли. Там, где население жило более скученно, болезнь передавалась быстрее. Лепру боялись: прокажённых старались изолировать или изгнать за пределы поселений. Против неё не действовали никакие средства: диета, очищение желудка, кровопускание, даже настой мяса гадюк, некогда считающийся эффективным лекарством, не помогал. Она не щадила никого – ни простолюдина, ни дворянина.

Едва на теле человека появлялись первые признаки таинственной и ужасной, коварной и преисполненной мучений болезни, его отпевали в церкви, словно мёртвого, после чего одевали в соответствующую одежду. Ему давали рог, трещотку или колотушку для того, чтобы люди по звуку могли определить, что приближается «нечистый» больной, и в страхе разбежаться кто куда. Церковь или трактир, рынок или ярмарка – всё для больных лепрой было закрыто. Если прокажённый избегал встреч со здоровыми людьми и не нарушал заведенных много веков назад правил, то ему даровали жизнь, и он, медленно разлагаясь, мог влачить своё жалкое существование. Эти несчастные были проклятыми, изгоями, их все боялись и сторонились. Только в лепрозориях, которые создавались при монастырях, они чувствовали некоторую заботу о себе со стороны братьев-монахов, дающим им кров и пропитание. Лечение же проказы сводилось лишь к постам и молитвам.

1 октября 1650 года Йозеф Мюнц вновь выехал в Раушен. Миновав сей город, он направил коня в сторону Люменфалля. Вскоре он уже стучался в двери дома, где проживала семья Паулихтер. Иоганна и её сыновья были дома.

Хозяйка усадила гостя за стол, а младший сын, Пауль, помчался в пекарню за Иеремией.
– Что скажет уважаемая фрау Паулихтер, если я предложу для её сына Курта работу у меня? – спросил Мюнц с загадочной улыбкой. – Он станет учиться на цирюльника или подлекаря, и помогать мне в моём ремесле...

– Господи..., – прошептала счастливая мать. – Да мы даже мечтать об этом не смели...

– Согласен ли ты, Курт, отправиться учиться и работать в Кёнигсберге у герра Мюнца? – спросил Йозеф парнишку. – То есть, у меня...

Тот не смог вымолвить ни слова, только выразительно кивнул головой. В глубине же души он уже прыгал от радости.

– Тогда вот тебе книга, – врач порылся в сумке и извлёк из неё труд монаха Бранденберга «История монастыря Скриди». – Тут немало написано про искусство врачевания.

На глаза парня навернулись слёзы. Про мать и говорить было нечего, она без конца вытирала лицо полотенцем.

– Тогда жду тебя... зимой. Приезжай ко мне в Альтштадт. Я живу на Аптекаарской улице. Любой горожанин покажет тебе мой дом.

Вскоре скрипнула дверь, и на пороге появился Иеремия. В руке он держал приличных размеров мешочек.

– Здравствуйте, доктор, – с улыбкой произнёс он. – Рад вас видеть в добром здравии! Господь уберёт вас от встреч с лихими людьми и направил в дом, где проживают добропорядочные селяне! А это, – он потряс мешком, – то, о чём мы с вами договаривались! Ровно десять фунтов и ни унцией меньше!

После того, как сделка была совершена и достойным образом «обмыта», Йозеф Мюнц направился на берег моря. Он без труда обнаружил прокажённого, подождал, пока тот закончит молитву, затем подошёл к нему.

– Здравствуйте, Отто.

– Здравствуйте, доктор. Рад видеть вас здоровым...

– Я готовлю ряд опытов над лекарствами из янтаря, – сказал Мюнц. – Я думаю испытать его на вас с целью одолеть проказу. Согласны ли вы принять участие в таком эксперименте?

Глаза, сверкнувшие в прорезях серой повязки, свидетельствовали о том, что прокажённый улыбнулся. Возможно, впервые за долгое время.

– Господь услышал мои молитвы, – произнёс он надтреснутым голосом. – Мои эксперименты ни к чему не привели. Что ж, посмотрим, как пройдут ваши... Надеюсь, они будут более удачными. Вы ждёте моего согласия, любезный доктор? Вы получили его!

– Тогда вам надо будет тайно проникнуть в Кёнигсберг! Но это чрезвычайно опасно!

– Я готов рискнуть, – ответил отшельник. – И у меня есть по поводу этого кое-какие соображения...

– А я укрою вас у себя, в Альтштадте! Ваше присутствие в доме будет тайным. Мы будем делать опыт за опытом, пока не достигнем нужного результата! И мы его получим, клянусь Распятием!

– Хорошо, – промолвил Отто. – Когда нужно появиться у вас?

– Ближе к зиме. Точнее, – в декабре... Думаю, к тому времени лекарства будут готовы.

– Хорошо, – подумав, повторил отшельник. – Вот, возьмите, – протянул он руку врачу. – Нашёл сегодня утром... Надеюсь, он принесёт вам удачу.

В рукавице лежал кусочек янтаря странной формы – словно большая капля, к которой приклеились три маленькие капельки... Солнечный камень был точно такой формы, как и тот, который подарил ему во сне повешенный мальчик.

Осеннее солнце начало клониться к закату. Возможно, следовало бы остаться на ночь на постоялом дворе, но Йозеф, став обладателем десяти фунтов солнечного камня, не стал

задерживаться там, где, скорее всего, могли проверить его дорожную сумку, а поспешил в Кёнигсберг.

Миновал врач небольшую деревушку Другенен (16), когда начали сгущаться сумерки. До Кёнигсберга оставалось не более трёх прусских миль (17). Мулат легко покрыл бы это расстояние за пару часов.

Местность была лесистая. Погода стояла сырая. Листва опадала вниз от лёгкого дуновения ветра, бесшумно, неспешно и торжественно оголяя совсем ещё недавно бушующую зеленью природу. Свежий воздух бодрил тело и прояснял мысли. Доктор проехал мимо дорожной пышнотелой липы. Её осыпавшиеся листья ковром улеглись вокруг ствола, видимо, желая уберечь корни от холода. Это последнее, что они могли сделать для своей родной матушки. Грустно было видеть такую прощальную заботу...

Темень ещё не наступила, узкая лесная тропа была хорошо видна, и жеребец шёл лёгкой рысцой, иногда ускоряя ход, особенно, когда из глубины леса доносился волчий вой.

...Ветвистое дерево с жёлтыми листьями лежало прямо на тропе. Перебраться через него не представлялось возможным, а объехать мешали придорожные кусты. Чертыхнувшись, Йозеф слез с коня и направился к дереву, чтобы попытаться хоть немного сдвинуть ствол, благо, он был не очень толст. Тут из укрытия вышли трое. Одеты они были в простую крестьянскую одежду, поверх которой накинута шерстяные плащи. У двоих в руках были дубины, третий держал шпагу.

– Заждались мы тебя, – ухмыляясь, произнёс тот, что со шпагой. – О, да это же наш знакомец! Это ведь ты на прошлой неделе пытался купить у нас янтарь? Ну и как, купил?

– Так это мы тебя отравили в полёт с Высокого Песчаного холма, – осклабился второй. – А тебе повезло не свернуть себе шею! Ты, оказывается, счастливчик!

– Зато сейчас тебе не повезло, – с напускной грустью добавил третий. – Отдавай нам свои пожитки и коня, лишь тогда мы тебя не тронем...

– Так это вы напали на меня у моря, – догадался Мюнц. – И свою шпагу я узнаю. Её изготовил альтштадский мастер Георг Вольке специально по моему заказу!

– Если не хочешь, чтобы она вспорола тебе брюхо, выкладывай деньги! Живо!

Один из парней протянул руку к поводьям.

– Э, нет! Теперь пришла пора мне поквитаться с вами! – воскликнул доктор, обнажая шпагу. – Со всеми вами!

Бросившегося на него с дубинкой Карла Кнойпвица Йозеф встретил молниеносным выпадом, в результате чего шпага доктора вонзилась в ляжку разбойника. Тот завизжал от боли и, выронив своё оружие, закрутился на месте, прыгая на одной ноге.

– Ну вот, первый своё уже получил, – удовлетворённо заметил доктор. – Кто следующий, господа?

Михель Нойерман попытался приблизиться к Мюнцу, но Людвиг придержал его.

– Я сам с ним справлюсь. – И, обращаясь к доктору: – Посмотрим, что ты скажешь, когда схлестнёшься с настоящим бойцом! Бог видит, мы не хотели крови, но теперь, боюсь, тебе уже не удастся уйти отсюда живым!

– Уж не вы ли – «настоящий боец»? – с насмешкой спросил Йозеф. – Бить камнем из-за спины у вас получается гораздо лучше!

– Не переживай, доктор, – обнажил шпагу противник Мюнца. – Я долго воевал со шведами в предгорьях Альп и отправил на тот свет немало говорливых и самонадеянных господ!

– Убей его, Людвиг! – крикнул Нойерман.

Тот ринулся на Мюнца, словно разъярённый вепрь, нанося удары один за другим, резко и быстро, пытаясь смять соперника и столкнуть его с тропы. Но вскоре понял, что не добился ничего – доктор стоял твёрдо и с удивительной лёгкостью отбивал его выпады.

– Проклятье! – воскликнул Людвиг. – Где ты обучался фехтовальному искусству, проклятый докторишка?

– В одной из школ Альтштадта. У французского мастера Лессажа, – ответил тот.

А немного погодя, разбойник почувствовал, что врач перехватил инициативу и начинает теснить его самого.

Михель Нойерман попытался нанести удар дубинкой сзади. Он начал движение за спину упрямого врача. В какой-то момент казалось, что ему это удастся. Но Йозеф словно видел затылком. Он, почти не разворачиваясь, нанёс режущий круговой удар, и остриё его шпаги, прочертив длинную дугу, задело лицо Михеля на уровне глаз. Тот взвыл и упал на колени, обхватив ладонями поражённое место. Между пальцев потекли струйки крови.

– Второй тоже получил своё, – спокойно заметил Мюнц. – Теперь я займусь вами, досто-почтенный проходимец!

Людвиг понял, что дело плохо, он начал лихорадочно искать пути отступления, но ослабил внимание и пропустил смертельный удар шпагой в грудь.

– Вот и третий получил по заслугам, – констатировал Йозеф Мюнц, вытирая шпагу. – Спасибо тебе, славный Лессаж... И тебе, добрый Вольке!

Затем он подошёл к раненым Михелю и Карлу.

– Вот что, доблестные охотники за чужими кошельками. Вашему товарищу уже никто не поможет. Ему черти в преисподней псалмы поют... А вы, если не хотите отправиться вслед за ним... ну-ка, схватили дерево и освободили дорогу! Живо!

Через несколько минут доктор продолжил путь к Кёнигсбергу.

Вороны, кровожадно перекликаясь в небе, сбивались в стаю...

Глава 7. Работа началась

Середина октября одарила жителей Кёнигсберга, да и всего Самбийского полуострова, прекрасной, солнечной погодой. Казалось, вот-вот вновь вернётся лето, заглянет в окна и скажет: «Господа, снимайте тёплые кафтаны, облачайтесь в более лёгкие платья! Я никуда не уходило, а просто ненадолго отлучилось, и теперь снова с вами!» Но ушлого обывателя трудно обмануть, он с лёгкой улыбкой посмотрит на солнце, на парящие в голубом небе облака, и вздохнёт: ещё немного и задует ледяной ветер, закружат метели, а пение ручьёв стихнет под ледяным покровом. Природа неуклонно повторяет свой круговорот...

Старый мастер Бергерклик теперь трясся в повозке вместе с секретарём Иоганном Ростке. Томас Мильхер и пятеро всадников из береговой стражи сопровождали их. Ещё двое убыли в Гермау, конвоируя бедолагу, попавшегося на ловле янтаря близ Раушена. Добыча его была невелика, и ему грозил только штраф. Но, следовало ещё проверить, не хранит ли преступник солнечный камень у себя дома. Словом, дальнейшие действия команды береговой стражи зависели от решения Янтарного суда.

Да, погода наладилась, и злоумышленники вновь вышли на свой незаконный промысел. Сам бершайнмайстер Йокельминц так и заявил: «Господа, требуется срочно кого-нибудь повесить для острастки...» И он прав – тот тут, то там можно было увидеть людей, которые бродят с сачками в руках. Правда, завидев отряд стражников, они тотчас разбегаются кто куда. В Янтарном суде, а точнее, в камере для задержанных, сейчас томился некто Гюнтер Штаубе, подозреваемый в незаконной скупке янтаря. Приобретал он его у нарушителей закона – ловцов солнечного камня. Пока он молчит, не выдаёт своих поставщиков, но это – до поры до времени. Когда за дело возьмётся палач Раушена Филипп Кюссель, молчать Гюнтеру долго не придётся – выдаст всех своих подельников, как миленький. Опытный Филипп умеет развязывать языки.

– Какое прекрасное время года, вы не находите? – спросил Бергерклик у Ростке. – Мне кажется, что в такую тихую, золотисто-багряную и, я бы даже сказал, уютную пору человек ближе всего находится к Господу...

– Вы правы, – ответил секретарь. – По-видимому, Господь именно для этого и создал осень... У лета и зимы слишком много других хлопот, а весной, сами понимаете, голова занята совсем иным...

– Ах, эти солнечные деньки... – вздохнул Бергерклик, – они так нужны нашей душе среди изнурительного зноя или бесконечных дождей и промозглого ветра...

– Нам в такие дни нужно чаще выходить на лоно природы, а не сидеть в душных кабинетах и гонять надоедливых мух... Мы же живём, по сути, в райском уголке. Тут тебе и море, тут тебе и лес...

Внезапно, впереди послышался свист. Стражники тотчас пришпорили коней и понеслись вперёд. Раздались крики.

– Что там случилось? – спросил Бергерклик у Томаса Мильхера. – Ловцы янтаря?

– Похоже на то, – ответил помощник. – Знать, мальчишка стоял дозорным, он-то и дал ловцам сигнал, чтобы те разбегались.

– А вы?

– Попытались их догнать, но куда там! Местечко больно хитрое. Пока подберёшься... пока спустишься...

– А мальчишка?

– Его поймали. Прикажете везти в Янтарный суд?

– Приведите сначала ко мне. Я попробую его допросить.

Невысокий щуплый парнишка глотал слёзы и размазывал сопли по щекам. На его лбу «расцвёл» сине-красный кровоподтёк. Стражники крепко держали мальчугана за руки, хотя

тот и не думал рыпаться. Малолетнего преступника подвели к повозке, в которой сидел мастер Бергерклик.

– Как тебя зовут, парень? – сурово спросил его начальник стражи.

Ребёнок молчал.

– Назови имена своих сообщников, и мы отпустим тебя...

Мальчишка не вымолвил ни слова.

– Они ловили янтарь и должны ответить по закону, – стараясь смягчить голос, убеждал паренька Бергерклик. – Ты же стоял в стороне и в этом большой вины я не вижу. Но если ты успел предупредить их о береговой страже, тебе несдобровать. В таком случае ты считаешься их сообщником и тоже понесёшь наказание... Возможно, тебя даже повесят! Ты этого хочешь?

Пойманный паренёк напоминал растерянного нахохлившегося птенца, выпавшего из гнезда. Он, опустил голову, потупил взгляд и дрожал всем телом. Казалось, малолетний преступник уже смирился со своей участью.

– Свяжите ему руки и ноги, – медленно произнёс Бергерклик, наблюдая за пареньком, – и бросьте в повозку. Мы повезём его в Гермау, на Янтарный суд. Если молодой человек желает болтаться в петле, что ж, мы не смеем ему отказать.

– Повесить мальчишку? – пробормотал Иоганн Ростке. – Но ему нет даже двенадцати...

– Вы знаете, что сказал бернштайнмайстер, – ответил секретарю Бергерклик. – Боюсь, именно для острастки других он прикажет повесить этого паренька... Вы же – секретарь. Посмотрите свои записи. Сколько янтаря мы отправили курфюрсту в прошлом году и сколько в этом?

Старик раскрыл свою книгу и углубился в чтение. Начальник стражи терпеливо ждал.

– Действительно, – воскликнул Ростке. – На этот период в прошлом году было отправлено на двести фунтов больше!

– Наверное, это потому, что в прошлом году было объявлено больше смертных приговоров, – хмуро произнёс Бергерклик. – Вот вам и вся математика... Откуда ты, парень? Из какой деревни? – спросил он задержанного. – Молчишь? Ну, молчи. Может, захочешь ответить, когда тебя начнёт спрашивать Филипп Кюссель...

Услышав имя страшного палача, парнишка затрясся в рыданиях.

– Не плачь, – посоветовал ему Ростке. – Лучше выдай тех, кого ты предупредил. И тогда останешься жив...

– Куда едем, мастер? – спросил Мильхер. – В Гермау?

– Да, Томас. Мы своё дело сделали. Передадим парня в руки правосудия, а там уж... как оно решит... – он потянулся за флягой, в которой у него плескалось рейнское. – Мы честно исполняем приказы курфюрста и бернштайнмайстера, нас не в чем упрекнуть. Хотя никто из нас не хотел делать мальчишку козлом отпущения...

Бергерклик сделал на удивление продолжительный глоток из фляги и муки совести, подступившие было к его сердцу, спокойно улеглись обратно.

Отряд продолжил движение. Солнце перевалило за полдень, тень от деревьев иногда накрывала повозку. Яркое светило разбудило стрекоз и бабочек, последние порхали в поисках цветов, которых уже почти не осталось. Повозка то и дело подпрыгивала на неровностях дороги.

Ты не жди меня, жена,
У меня любовь – война...

Это затянул старую солдатскую песню один из стражников.

Внезапно все остановились – и повозка, и всадники.

– Эй, что там, впереди? Чего встали? – прорычал Бергерклик и, привстав на повозке, глянул вперёд.

От картины, которую он там увидел, редкие волосы на его голове поднялись, а лоб покрылся испариной. Стражники остановились и сбились в кучу, не в силах вымолвить ни слова. Их лошади раздували ноздри, жались к придорожным кустам и пятились назад, словно впереди их ждала волчья стая. А там, преграждая путь всадникам и повозке, стоял звериного вида здоровенный человек с рыжей бородой. Из-под густых нахмуренных бровей жёлто-зелёным светом угрюмо сверкали его глаза. А губы сложились в тонкую дугу, с опущенными концами. По пояс обнажённый, он демонстрировал могучее телосложение, а росту в нём было столько, что сидящий на лошади всадник едва ли мог сравняться с ним. В руках верзила держал галерное весло, взмахнув которым, мог бы легко посшибать с коней всех всадников. Этим веслом он и преградил дорогу стражникам.

Почти минуту никто не мог проронить ни слова. Огромный человек обвёл взглядом всю процессию, затем глухим голосом, от которого затряслись поджилки даже у бывалых воинов, произнёс:

– Отпустите мальчишку!

Тотчас Томас Мильхер свесился с коня и двумя движениями перерезал путы на руках и ногах пленника.

– Ты свободен, – сказал тому Бергерклик.

Парнишке не пришлось повторять дважды: он бросился наутёк сквозь кусты, словно заяц. Его проводили взглядом все стражники. Когда же они повернули головы обратно, то на дороге никого уже не было. Путь был свободен.

Мальчишка стремглав мчался домой. Он не разбирал пути, а сердце рвалось из его груди от радости. Он ловко перепрыгивал через ямы и канавы, торчащие корни сосен и многочисленные лужи. Вскоре показалась деревня Люменфалль, а там и родной дом!

– А вот и Пауль! – закричал Иеремия, распахивая объятия. – А мы думали, что тебя заграбастали стражники!

Встревоженная мать подбежала и, желая заключить сына в объятия, неловко схватила его в охапку.

– Успокойся, мама, ты же видишь – я дома!

Но она не могла сдержать слёз. Лица братьев посветлели.

– Нашего Пауля никто не сумел догнать! – радостно воскликнул Курт. – У него такие быстрые ноги, что за ним и на лошади не угонишься!

– Подождите, – не дал до конца выразить свои чувства братьям, Пауль. – Меня всё-таки поймали, связали и бросили в повозку...

– О, господи, – прошептала мать.

– ... И повезли в Янтарный суд...

– Но как?.. Как ты спасся?

– Вы не поверите, – улыбнулся Пауль. – Но мне помог сам Томас Куллер!

Йозеф Мюнц ласково поцеловал матушку.

– Я тебе приготовлю самое лучшее лекарство, мама. Вся Европа лечится янтарём! Я раздобыл несколько кусочков и сделаю тебе замечательный янтарный крем! А также – настойку из солнечного камня, которая придаст тебе сил и энергии. Скоро ты забудешь, что такое кашель и одышка!

– Я верю тебе, Йозеф, – отвечала пожилая женщина. – Ты хороший сын и прекрасный врач. Жаль только, что у тебя до сих пор нет жены. Твои заботы были бы нужнее ей, чем мне, старой ворчунье.

– Ну, что ты, мама... Я женюсь... Скоро. Даю слово! Но сейчас у меня – масса работы!

– Ну, ступай, трудись, мой малыш... Во имя Господа Всемогущего...

Из куска янтаря, который подарил ему Отто, Йозеф решил сделать себе амулет. Уж больно необычной формой обладал этот кусочек – так и просился на грудь. Поверхность солнечного камня не была обработана, да шлифовка и не требовалась – его «тело» было достаточно чистым, а полировка тут была бы лишней, так решил доктор. Без обработки он выглядел более естественным, живым. Поэтому доктор Мюнц аккуратно просверлил две дырочки, протянул сквозь них нить и амулет был готов!

Йозеф зашёл в свою лабораторию, в которой планировал заняться изготовлением лекарственных снадобий. Янтарь уже был рассортирован по цвету. Взглянув на россыпи солнечного камня, доктор Мюнц почувствовал необычайный прилив сил. Вот это богатство! Не в смысле дукатов, а в смысле той живительной силы, какую даст янтарь, находясь в кремах, мазях, настойках, лосьонах и других лекарствах, которые будут использовать больные люди для своего выздоровления!

На первом этапе следовало измельчить солнечный камень, превратить его в пыль. Целебных свойств это не изменит, зато даст возможность проникать внутрь человека, в органы и кровь, и вершить там своё дело. Для этого у Йозефа Мюнца имелись ступки и пестики разных размеров.

Доктор принялся за дело. Процесс измельчения янтаря был достаточно трудоёмким и занимал длительное время. Пускай на это уйдут часы, только всё необходимо проделать собственными руками, от начала до конца, не доверяя никаким помощникам. Но, для того, чтобы данное занятие не слишком утомляло, врач стал придумывать некое заклинание, которое должно было содействовать таящимся в янтаре живительным силам. Нет, молитва – это само собой, но тут нужно нечто особенное, касаемо сущности солнечного камня!

Мюнц надел на шею амулет, повязал фартук и уселся на табурет. Он насыпал кусочки янтаря в ступу, взял в руки пестик и принялся за работу. Откуда-то из глубины сознания постепенно стали приходить слова:

«Солнечный камень – Янтарь, брат мой и друг мой, не пей крови, не губи души, а забери своими лучами нашу беду!...»

Он представил, как таящееся в янтаре Солнце обогревает человека изнутри, убивая болезни ещё в зародыше. Затем перед его глазами появилось обезображенное проказой лицо отшельника Отто, этого глубоко несчастного, но, безусловно, благородного и учёного человека, умного собеседника но, как многие увлекающиеся люди, одержимого поиском призрачного философского камня.

«...Забери болезнь из тела раба Божьего Оттокара, спрячь её за три двери и закрой за четыре замка...»

Во что бы то ни стало, он, городской врач Альтштадта, Йозеф Мюнц, изготовит лекарство от лепры, и множества других недугов! Пускай даже на это уйдёт вся его жизнь!

«...Пусть ночь завершается, а болезнь никогда не возвращается, и с новым днём наступит новая жизнь!...»

Ну, и в качестве завершения:

«...Будьте мои слова крепки и лепки!»

Во время обеда он ещё раз повторил слова заклинания и остался ими очень доволен.

– Что ты там всё бормочешь, Йозеф? – спросила матушка доктора за столом. – Молитвы надо произносить перед едой, а не во время трапезы...

– Это не молитва, матушка... Это – такая считалочка. Как тебе суп по рецепту господина Люгера? По-моему, очень неплох...

– Он просто восхитителен, Йозеф. Думаю, что этот суп послужит поводом для твоей большой дружбы с господином Люгером, – с понятным для них двоих намёком произнесла мать.

Данный господин занимался поставкой овса, был тучным и приветливым человеком. Ему принадлежали несколько крупных складов в Хаберберге. И ещё – у него была дочь на выданье, во всех отношениях милая и приятная особа, которая не могла не заинтересовать одинокого мужчину с медицинским образованием. У девушки был отменный вкус, она хорошо одевалась и умела подчеркнуть свою красоту.

После обеда врач снова заперся в лаборатории, куда к тому времени доставили некоторые масла и благовония, которые должны были стать основой для препаратов из солнечного камня.

Раз за разом, растирая в ступке янтарь, доктор Мюнц нараспев повторял:

«Солнечный камень – Янтарь, брат мой и друг мой, не пей крови, не губи души, а забери своими лучами нашу беду! Забери болезнь из тела раба Божьего Оттокара, спрячь её за три двери и закрой за четыре замка! Пусть ночь завершается, а болезнь никогда не возвращается, и с новым днём наступит новая жизнь!

Будьте мои слова крепки и лепки!»

Он верил – ему всё удастся!

В дверь постучали условным стуком – никто не должен был знать, чем занимается здесь доктор. Это появился Фридрих, помощник и ученик Мюнца.

– Привезли раненого, доктор, – доложил он. – Без вашего участия не обойдёмся.

– Хорошо, – ответил Мюнц, снимая фартук. – Что с ним?

– Упал с крыши дома. Похоже, повреждён спинной хребет...

– Плохо дело. Готовь настойку болиголова. Если ушибы сильные, боюсь, бедняга уже не жилец... Но, будем надеяться на милость Господа...

До вечера врач с помощниками возились с трубочистом, соскользнувшим с крыши. Состояние бедняги было тяжёлое, но доктор, вытерев руки полотенцем, заявил его взволнованным близким:

– Мы сделали всё, что могли. Сегодня я использовал все известные мне снадобья. Вам остаётся уповать на милость Господа и молиться. Даст Бог, больной выживет и даже сможет ходить... Рекомендую ему полный покой, а спину смазывайте болеутоляющей мазью, если вам удастся приобрести её в аптеке... Впрочем, зайдите ко мне через пару дней. Возможно, я смогу вам помочь. – А сам уже мысленно составлял собственный рецепт чудодейственного средства.

Вернувшись в свою лабораторию, Мюнц с удвоенной энергией принялся за дела. Ум его прояснился, мысли бежали прозрачными чистыми струями, а висящий на шее амулет из солнечного камня, казалось, притягивал их откуда-то извне...

Глава 8. У доктора Мюнца

Прошелестел золотолистый октябрь, за ним – слякотный ноябрь. А следом на Самбийский полуостров нагрянула зима. Не сказать, чтобы лютая, морозная и снежная. За полмесяца декабря пару раз выпал снег, да тут же растаял. Робкие морозы только «обозначили» своё присутствие, мол, не забывайте – уже зима! Грунтовые дороги по ночам и утрам схватывались ледяным панцирем, повозки гремели, стонали, скрипели и звенели, проезжая по нему. Днём же тропы и колеи, щедро подогретые виноватым за такой «недосмотр» солнцем, превращались в грязное месиво, что значительно затрудняло передвижение.

Одна из таких колымаг, покрытая войлочным тентом, в которую запрягли крепкого и сытого коня, приближалась к Кёнигсбергу. Управлял ею пожилой мужчина, одетый в мохнатый полушубок из волчьего меха. Для защиты от возможного нападения (времена были тревожные) за поясом у него торчала рукоять мушкета, а на боку висела шпага. Рядом с ним сидел парнишка лет пятнадцати, довольно крепкий на вид, одетый точно в такой же полушубок, и сжимающий в руках дубинку из ясеня. В глубине повозки, не заметный для постороннего наблюдателя, между мешков с овсом сидел ещё один мужчина. Был он закутан в просторный тёплый плащ и капюшоном, лица его не было видно, а на руках были надеты войлочные рукавицы.

– Вон, дядя Иеремия, – воскликнул парнишка, – уже виднеются башни Королевского замка!

– Да, Курт, мы почти приехали... Вот и шпиль кирхи Святого Николая... Теперь остаётся самое сложное – провезти нашего прокажённого через городские ворота. Сегодня должен дежурить начальник стражи капитан Легниц. У него с доктором Мюнцем – старые приятельские отношения, и лекарь обещал с ним поговорить... Но дукат нужно держать наготове, мало ли что...

– Целый дукат? – ахнул Курт.

– А что ты хочешь? По-моему, лучше дать больше, да проехать спокойней... Эй, Отто!

– Слушаю тебя, Иеремия...

– Как будем проезжать через ворота, закури трубку, напусти дыму. Если стражник сунет свою рожу внутрь, пусть ничего в таком тумане не увидит...

– Ха, прекрасно придумано, дружище!.. Правда, я так и не приучился к курению табака...

– А ты в себя дым не втягивай, а сразу выпускай его наружу.... Вот тебе моя трубка, а вместе с нею и кисет!

– Как же ты будешь пользоваться ею потом, после меня?

– Не беспокойся, у меня есть другая. Но я слышал, что горящий табак убивает болезнь, да и не верю, чтобы проказа была такой уж липучей... К тому же, мне уже много лет, чтобы бояться смерти...

– А если что и случится, доктор Мюнц тебе поможет! – воскликнул Курт. – Скоро он научится лечить лепру!

– Точно!

– И я помогу. Надеюсь, навыками врачевания скоро овладеет и твой племянник!

– Тогда и волноваться нечего... Не знаю только, как мы теперь станем ходить за янтарём... Компания наша распалась: ты будешь учиться в Альштадте, Ганс пойдёт в море... Остаюсь я с малышнёй. А кто будет стоять на стрёме?..

– Брось, Иеремия, ты это занятие. Слишком опасно, – подал голос из глубины повозки Отто.

– Легко сказать, – ответил возница. – Это занятие не столько для богатства, сколько для души... Н-но, Клаус! Немного осталось, скоро получишь свой овёс! – прикрикнул на коня Иеремию, поворачивая в сторону городской стены Альтштадта.

Капитан Легниц, грузный мужчина в кирасе, вышел подышать из дежурного помещения, придерживая рукой шпагу на левом боку. Время стояло такое, что количество желающих попасть в Альтштадт становилось всё больше. В основном, подъезжали крестьянские повозки, везущие овощи и мясо на городской рынок. Близилось Рождество Христово. Сам капитан уже успел сделать запасы на зиму – в подвале его дома хранилась капуста и картофель, крупа и мука, висел копчёный окорок и солилось сало. К празднику он обязательно купит рождественского гуся – его высокая должность позволяла делать семье такие подарки.

Оставшиеся в дежурке стражники тут же принялись играть в кости. Они были бы рады пропустить и по стаканчику вина, но пока с ними находится капитан, сделать это они остерегались.

Стояло серое утро. Уже рассвело.

Стражники у ворот лениво заглядывали в повозки, взимая за проезд в город небольшую плату. Многих прибывающих они уже знали, поскольку несли здесь службу не первый год. Крестьяне снимали шляпы и шапки перед капитаном. С некоторыми Легниц был знаком лично.

Начальник стражи встал в сторонку и вынул из кармана трубку. Он внимательно наблюдал за потоком проезжающих. Одна из повозок вдруг заинтересовала его. Он подошёл к ней, пока возница о чём-то толковал со стражником. Рядом с пожилым мужчиной сидел молодой парень, а из-под войлочного тента выбивались клубы дыма. Завидев капитана, возница улыбнулся:

– Приветствую вас, господин капитан! Вот, везу Йозефу Мюнцу своего племянника в ученики и помощники. Парень увлечён книгами и медициной, глядишь, скоро и вы сможете обратиться к нему за помощью. Чего я, конечно, не желаю вам в ближайшее время. Врач нас ждёт...

– Мне это известно, – важно ответил Легниц и скомандовал стражнику: – Пропустить!

За всю свою жизнь Курт только дважды был в Альтштадте. И каждый раз смотрел на город восторженными глазами. Такое количество домов, да ещё в три-четыре этажа и даже выше, рынок, площадь, кирха, высокая ратуша, клиника «Всех Святых», трактиры, аптеки... а среди них – целый рой людей, – это может кого угодно свести с ума! И дороги здесь вымощены булыжником, и грязь с них тщательно вычищена!

Иеремию пересёк улицу Хлебных лавок и свернул на Аптекарьскую. Справа открылся вид на величественный Королевский замок.

– Какая громадина! – присвистнул Курт.

– Это – сердце Восточной Пруссии, – заметил Иеремию, – место коронации прусских королей!

Наконец, повозка остановилась возле двухэтажного особняка, огороженного решётчатым забором.

– Неплохо устроился наш доктор, – заметил Иеремию. – Тебя, Курт, ожидает здесь не жизнь, а сказка! Конечно, если станешь прилежно учиться и выполнять все требования господина Мюнца.

На крыльце появился молодой человек.

– Вы к доктору, господа? Вам требуется помощь?

– Нет, любезный, – ответил Иеремию, слезая с повозки. – Мы приехали в гости. Привезли вам ученика и помощника, а также известного ему пациента. Доктор знает. Сообщите ему, что мы прибыли!

Юноша понимающе кивнул и исчез за дверью.

– Всё в порядке, Отто, – проговорил старый пекарь. – Теперь тобой займётся искусный врач. – И немного подумав: – Не ведаю, чем всё это закончится, но есть ощущение, что получится, как надо. – Он перекрестился. – Да простит Господь мои прегрешения...

Через минуту на крыльце появился доктор Мюнц.

– Приехали? – радостно вскричал он. – Все? Без приключений? Прошу вас в дом! Марта, накрывай на стол! Гости с дороги страшно голодны! Извините, Отто, я должен вас провести в отдельный... кабинет... я пока не собираюсь вас никому показывать. Но вы не беспокойтесь – я не дам вам скучать!

– Благодарю вас, доктор, – раздался глухой голос из-за тента. – Приятно иметь дело с благородным человеком.

– Да уж, ответил и Иеремия. – Господь уберёт нас как от встречи с разбойниками, так и от когтей проклятого оборотня Штейница, которым напугана вся округа! Примите, господин Мюнц, мешочек, пока мы не зашли в дом. То, что в нём находится, не принято оставлять на улице.

– Пресвятая Дева! Вы и янтарь привезли, – догадался доктор. – Это прекрасно! О, здесь не менее пятнадцати фунтов! Сейчас я вынесу вам деньги, а также те снадобья, которые я обещал вашему врачу Мартину Гринзее... Впрочем, заходите в дом, там и рассчитаемся.

Он быстро, без суеты принял приехавших, правда, одного из них закрыл в отдельном помещении, а других проводил в гостиную, где был накрыт стол.

– Сейчас я познакомлю вас со своей мамой, – произнёс Йозеф, поднимаясь по лестнице вверх. – А вы пока рассаживайтесь!

– Как вы собираетесь меня лечить, доктор? – прокажённый внимательно наблюдал за действиями Мюнца, который хлопотал над своими снадобьями. Казалось, что лицо больного скривилось в усмешке.

– Для начала я применю янтарное масло. Оно должно подействовать на кожу лица и рук. Далее, смотря к какому эффекту это приведёт, – загадочно улыбнулся Мюнц. – У меня разработана собственная методика. Если вам интересно, я могу вас с ней ознакомить.

– Увы, доктор. Я ровным счётом ничего не смыслю в приготовлении лекарств...

– Кожу вашего лица и рук утром и вечером мы станем обильно смазывать янтарным маслом, разбавленным пополам персиковым, – принялся объяснять Мюнц, не отрываясь от работы. – Можно, конечно, как многие мои коллеги, использовать привозимое к нам из Восточной Индии хаульмугровое масло, добываемое из семян кардамона. Только оно дорого, очень ядовито и крайне плохо воздействует на желудок...

– А где вы возьмёте янтарное масло, доктор? Янтарную пыль смешаете с маслом подсолнуха?

Доктор Мюнц подошёл к Отто и широко улыбнулся.

– Я получил янтарное масло по известным рецептам медиков герцога Альбрехта. А изготавливал я его следующим образом: измельчённый янтарь расплавил, помешивая, в реторте и собрал все ценные капли испарений, оседающие на её прохладных стенках. Для большей чистоты и пользы это рекомендуют проделать дважды, что я и выполнил... Таким средством, уважаемый Отто, возможно врачевать все известные кожные недуги, но в случае с проказой одного его недостаточно.

– Поэтому вы придумали кое-что ещё?

– Разумеется. Такую болезнь, как лепра, одним наскоком не возьмёшь. Но, как медведя можно затравить собаками, так и мы будем атаковать серьёзную болезнь пусть малыми силами, но с разных сторон, действуя при этом без длительных перерывов!

– Вы – как полководец, доктор! Вам бы командовать шведской конницей в битве при Лютцене! (18)

– Благодарю вас, Отто. Но, я человек не военный. Позвольте же мне продолжить изложение процесса лечения, следующим важным моментом которого является вот что... Вы будете брать половину аптекарской драхмы отборного белого янтаря, самостоятельно толочь его в порошок, вдыхая запах солнечного камня, и принимать один раз в день на закате солнца, запивая пинтой белого вина и стоя босыми ногами на янтарной крошке. Славный Иеремия снабдил меня достаточным количеством янтаря, и я сделаю вам такой «коврик»!

– Теперь я вижу, что ваше желание освободить меня от ужасной болезни – это не пустые слова, доктор. Вы всерьёз взялись за дело и я начинаю верить, что у вас... хоть что-нибудь да получится... С помощью Господа нашего и Пресвятой Девы Марии.

Мюнц театрально поклонился.

– Только и это ещё не всё, смею вас заверить, – ответил он. – Небольшие кусочки янтаря мы поместим в жаровню с горящими углями, над которой вы будете сидеть, и вдыхать выделяющиеся ароматические пары.

– Это мне больше по душе. Вы знаете, доктор, наш друг Иеремия недавно едва не приучил меня к табакокурению!

– А вот этого я вам не рекомендую...

– И это – всё лечение? – спросил Отто.

– Пока – да. А там посмотрим... Видит Бог, что я назначаю вам самое приятное и эффективное лечение, известное со времён Гиппократ! Через три месяца таких процедур проявления болезни начнут исчезать, а через полгода, смею надеяться, вы уже будете здоровы!

– Значит, к началу лета... – прошептал потрясённый прокажённый и принялся истово молиться. – Милостивый Боже, Отче наш, пошли исцеление рабу твоему, болезнью одержимому, отпусти ему все прегрешения, отведи от него всякую язву и всякую болезнь, возврати здоровье и силы телесные, чтобы он вместе со всеми приносил благодарные молитвы Тебе, Всещедрому Богу и Создателю нашему...

Йозеф Мюнц смотрел на него и думал о чём-то своём.

– Наверное, нет такой болезни, которую бы электрон не исцелил? – закончив молитву, спросил Отто. Он явно воспрянул духом.

– Весьма возможно, что это так. Янтарь сушит флегму, придаёт силы и согревает, потому применяется при многих болезнях головы и печени, одышке и судорогах, он помогает при сильном кашле и простуде, чахотке, кровохарканье и при белях у женщин. С его помощью останавливают носовое кровотечение, он лечит затруднённое мочеиспускание и зубную боль... Да всех чудесных свойств солнечного камня и не перечислишь... Например, Мартин Лютер постоянно носил в кармане кусок янтаря, присланный ему нашим герцогом Альбрехтом вместе с пожеланиями скорейшего выздоровления, дабы предотвратить образование камней в почках. Правда, необходимо помнить, что янтарь теряет своё лечебное воздействие в золоте и вовсе бесполезен в оправе из серебра.

– Зато он прекрасно смотрится в золотой и серебряной оправе как украшение! – задумчиво произнёс Отто. – Некоторые дамы, имея янтарные бусы, серьги или броши... пусть и без бриллиантов, бывают неотразимы...

Затем пациент прервал свои размышления и перешёл к другой теме:

– Но я слышал, доктор, что солнечный камень используют не только в медицине? Например, у астрологов янтарь сльвёт камнем долголетия и бесстрашия. Они утверждают, будто он связан с силами Солнца и Венеры, символизирует счастье, здоровье и душевную гармонию. А некоторые люди считают янтарь покровителем воров. Они верят, что эти самоцветы способны делать их хозяина временно невидимым...

– Совершенно верно, янтарь обладает не только лечебными, но и магическими свойствами. Считается, что этот камень оберегает своего хозяина и даже способен изменять окраску: в присутствии злых людей он темнеет и мутнеет, а в окружении добрых – «веселится»

и играет всеми цветами. Он способен утешить человека в постигшем его горе и продлить его молодость, отвести недобрый глаз, наговор, порчу или проклятье. Если чётное число янтарных бусинок собрать на красную нить, то такие бусы или чётки отгоняют ведьм и злых духов. Дым с приятным ароматом, испускаемый камнем при горении, тоже используют для изгнания из человека нечистой силы. Поэтому янтарным дымом принято окуривать молодожёнов и новорожденных... Что же касается невидимости, то я не могу ответить на это утвердительно. Возможно, при этом читают какие-нибудь особенные заклинания... Но это – скорее, колдовское дело, а не медицинское...

– Вы подарили мне надежду, доктор! Но у меня ничего нет, кроме моей никчёмной жизни, висящей на волоске. Как же я вас отблагодарю?

– Не нужно ничего говорить, сударь, если это не меняет тишину к лучшему... Живите у меня, сколько потребуется, только питаться мы будем из разной посуды и спать в разных комнатах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.